

изъ книгъ дми
трея Попова

КОМЕДІЯ
ГОРДОСТЬ и БѢДНОСТЬ

Господина Голберга,

переведена

ИВАНОМЪ КРОПОТОВЫМЪ

въ *1757 году,*

въ Генварѣ мѣсяцѣ

и

того же года представлена

на

ПРИДВОРНОМЪ ТЕАТРѢ.



****

Печатана при Императорскомъ Московскомъ
Университетѣ, 1774 года.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

ДОНЪ РАНУДО ДЕ КОЛИБРАДОСЪ, Испанецъ знатнаго рода.

ДОННА ОЛИМПІЯ, *жена его.*

ДОННА МАРІЯ, *дочь ихъ.*

ГОНЗАЛО, любовникъ *Донны Маріи.*

ИЗАБЕЛЛА, сестра его.

ПЕДРО, лакей. } *Дона Ранудо.*
ЛЕОНОРА, служанка, }

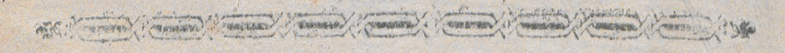
ГУСМАНЪ, пажъ.

ПЕРЕВОДЧИКЪ.

КРЕСТЬЯНИНЪ.

НОТАРІУСЪ.

СВИТА, Принца Ефіопскаго.



Дѣйствіе въ Испаніи въ домѣ *Дона Ранудо.*





ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Гонзало и Изабелла.

ГОНЗАЛО.

Правда сестрица, я не вижу никакой находки вЪ етой невѢстѢ; однакожЪ и то сказать надобно: любовь моя все преодолѢваетЪ. Фамилія ея хотя знатная издревле, да вить и наша не хуже. Когда они больше великихЪ людей вЪ родѢ своемЪ имѢли, такЪ мы можемЪ богатствомЪ похвалиться, и вЪ такой ихЪ бѢдности много помочь. Да какЪ бы то ни-было, и ни на что не взирая, я люблю дочь ихЪ Донну Марію чрезвычайно, и сожалѢю, что она такЪ бѢдна, а родители ей глупою своею спесью столько слуху вЪ городѢ надѢлали, что вся Испанская нація невинно отЪ того страждетЪ:

ИЗАБЕЛЛА.

БратецЪ! я вЪ томЪ не спорю: бѢдность ея нашимЪ достаткомЪ поправится, да на чтожЪ такимЪ людямЪ раболѢпствовать? КакЪ можно то

 сносить?

сносить? должно конечно за честь свою стоять, что тебя такъ презираютъ, и какъ скоро хоть маленькое подозрѣніе примѣтишь, то тотъ часъ долженъ бросить и впередъ никогда о томъ не думать.

ГОНЗАЛО,

Ахъ сестрица! ты можетъ быть не знаешь, что есть любовь; а когда бы знала, то бы конечно не стала такъ говорить; честолюбіе часто во мнѣ съ любовію боролось; однакожъ побѣждала любовь всегда.

ИЗАБЕЛЛА.

А когда по видимому нѣтъ никакого способа то получить, такъ не лучшели взявъ разсудокъ разумнаго человѣка, любовь ту выкинуть совсѣмъ изъ головы.

ГОНЗАЛО.

Далеко отъ того, чтобъ любовь моя отъ презрѣнія родителей его ко мнѣ погаснуть могла: она лишь тѣмъ пламень свой умножаетъ.

ИЗАБЕЛЛА.

Я думаю братецъ! ты хочешь, чтобъ о любви твоей исторію сдѣлали, а тыбъ Героемъ въ ней былъ, право мнѣ ето все баснею кажется.

ГОНЗАЛО.

Надежда не со всѣмъ вить пропала. Я думаю, что ежели бѣдность ихъ продолжится, то они согласятся лучше дочь за-мужъ отдать, и тѣмъ фамилію свою возставить, нежели отъ глупой гордости съ голоду умереть,

ИЗАБЕЛЛА.

Я вижу Гонзало! что ты гордости прямо не знаешь, когда такъ говоришь, они конечно лучше помрутъ, нежели согласятся.

ГОН-

ГОНЗАЛО.

Еще ты одного не знаешь.

ИЗАБЕЛЛА.

А что такое?

ГОНЗАЛО.

Я увѣренъ какъ бы они ни презирали, а дочь ихъ меня очень любитъ, она недавно говорила съ теткою моею съ великою горестію о томъ, что родителя до такого состоянія ея доводятъ.

ИЗАБЕЛЛА.

Даето нимало не поможетъ: они за нею такъ прилѣжно смотрятъ, что ей никакъ не льзя и видѣть тебя, а не только обхожденіе частое имѣть.

ГОНЗАЛО.

Правда, однакожъ любовники способы такіе сыскиваютъ, которыхъ никто не примѣтитъ; ежели прозьба не поможетъ, то я къ обманнымъ приступлю; а буде въ обманахъ удачи не будетъ, то всею силою способа искать буду, хотя бы то и жизни моей стоило.

ИЗАБЕЛЛА.

Мнѣ тебя очень жаль, что ты въ такомъ состояніи находишся. Я ужѐ не хочу больше намѣренія твоего хулить для того, что когда любовь кѣмъ овладѣетъ, тотъ ужѐ больше сожалѣнія, нежели наказанія достоинъ. Я всѣми силами о тебѣ стараться буду. Дай Богъ! чтобъ я могла чѣмъ тебѣ пособить. . . . . Да вотъ Педро идетъ, поди ты теперь прочь, я хочу съ нимъ поговорить.

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Педро и Изабелла.

[*одаль*]

ПЕДРО.

Вотъ изрядно! теперь совсѣмъ чисто, нѣтъ ни ложки ни плошки: меня послали занять на себя котелъ, для того что на боярское имя ужѐ никто не даетъ. Да ежели кто и мнѣ то дастъ, то нѣчево намъ вить въ немъ варить будетъ. Вездѣ такъ чисто, что ничего кромѣ титула Свѣтлости да Сіятельства не осталось, которое хоть и всѐ вмѣстѣ положа въ котелъ сварить, то пустая уха только будетъ: однакожъ они очень себя великими дѣлаютъ, а особливо госпожа; потому что она конечно лучше умереть съ голоду согласится, нежели хоть одну букву изъ своего великаго имени пропуститъ. Не дай Богъ! чтобъ я такого мнѣнія былъ человѣкъ. Я лучше продалъ бы одно имя отца моего, и честь всю за что нибудь; нежели какую нужду терпѣть, а не токмо умереть съ голоду. Честь и почтеніе вещи очень хорошія; да естьли ихъ въ обѣдѣ или въ ужинѣ вмѣсто пищи употреблять, то скоро до смерти можно объѣсться будетъ. Я намѣренъ еще нѣсколько дней въ етомъ домѣ прожить; мнѣ не очень трудно смотрѣть, какъ господа̀ мои покушавши гороху, да пустой каши въ зубахъ ковыряютъ: для того что я хожу къ пріятелю обѣдать, а они вмѣсто конфектовъ забавляются дѣлами предковъ своихъ. Ба! да кто ето.

[*подходя къ Изабеллѣ*]

Покорнѣйшій слуга сударыня, для чего одна изволите ходить безъ служителя?

ИЗА-

ИЗАБЕЛЛА.

Да я ужѣ доросла до такихѣ лѣтѣ, что сама безѣ проводника ходить не боюсь. Педро! а что господа твои дѣлаютѣ?

ПЕДРО.

Теперь гости у насѣ кушаютѣ; я иду конфектовѣ купить.

ИЗАБЕЛЛА.

А кто гостей-та у васѣ.

ПЕДРО.

У насѣ Герцогѣ, Дела Вера, Круксѣ, Княгиня, Донна, Емилія, Дела Шпадасѣ, Геронимо Викторѣ, Абадѣ, Дiего, иль Маркезѣ, Фердинандо, Гонзало сѣ супругою, и множество другихѣ, о которыхѣ говорить почитаю я себя недостойнымѣ.

ИЗАБЕЛЛА.

Такѣ мнѣ теперь не льзя отважиться ихѣ посѣтить.

ПЕДРО.

Нѣтѣ! мы имѣемѣ приказѣ, сегодни никого не пускать, кромѣ такихѣ, кои самыми древними и знатными Испанцами назваться смѣютѣ.

ИЗАБЕЛЛА.

Да для чего єто сегодни вздумалось имѣ такой великой пирѣ сдѣлать? У нихѣ никогда єдакова не бывало.

ПЕДРО.

Єто сдѣлано вѣ воспоминаніе побѣды, которую одинѣ изѣ предковѣ ихѣ Донѣ Ромирѣ де Колибрадосѣ вѣ єтотѣ день одержалѣ надѣ Королемѣ Месопотамскимѣ, и вѣ полонѣ его взялѣ. Дурно ежели много такихѣ дней вѣ году будетѣ; потому что кошельку очень вредно. Я вамѣ осмѣлюсь сказать: єдакой ихѣ пирѣ стоитѣ не меньше тысячи червонныхѣ.

ИЗАБЕЛЛА.

Да для чего жъ ты Педро въ такой великой праздникъ, въ худой и изодранной ливреѣ!

ПЕДРО.

Для воспоминанія изодраннаго знамя, которое вышепомянутой Донъ Рамиръ несъ.

ИЗАБЕЛЛА.

Сколько я ни слыхала, но Генералы знаменъ въ баталіи сами не носятъ.

ПЕДРО.

Нѣтъ сударыня: я вить сказалъ, что прапорщикъ его несъ. Оно въ баталіи пулями и ядрами такъ было изодрано, какъ моя ливрея.

ИЗАБЕЛЛА.

А давно ли Донъ Рамиръ ету баталію выигралъ?

ПЕДРО.

Сего дни ровно шесть сотъ лѣтъ.

ИЗАБЕЛЛА.

Ба! да тому еще триста лѣтъ, какъ ружья и пушки въ употребленіи.

ПЕДРО.

Такъ сударыня! я очень малъ для спору въ томъ съ вами, и оставляю то въ своемъ мѣстѣ; а въ томъ только побожиться смѣю, что знамя очень изодрано было: и для того я въ воспоминаніе того, въ нынѣшней день по вся годы едакую ливрею надѣваю.

ИЗАБЕЛЛА.

Да мнѣ кажется, что я тебя ужъ недѣли съ четыре въ етой ливреѣ вижу.

ПЕДРО.

Всякъ такъ ходитъ какъ хочетъ: а я имѣю къ тому нѣкоторую причину.

ИЗА-

ИЗАБЕЛЛА.

Какая-то была бы причина, въ службѣ такихъ знатныхъ господъ, въ едакомъ раздранномъ рубищѣ ходить? иной подумаетъ, что ета фамилія въ скудость пришла.

ПЕДРО.

Въ скудость? да какъ, господинъ такой которой больше ста колѣнъ въ своей фамиліи щитаетъ, можетъ въ скудость притти. Положимъ же на всякое имя въ колѣнѣ хотя по червонному; такъ-вить великая сумма будетъ.

ИЗАБЕЛЛА.

Я до тѣхъ поръ стану думать, что ето отъ бѣдности дѣлается; пока точной причины не узнаю.

ПЕДРО.

Чтобъ отнять ваше сомнѣніе, скажу вамъ причину. Господа наши примѣтили, что нынѣ у всѣхъ въ обычаѣ, богатые ливреи имѣть; и тѣмъ знатнымъ отъ прочихъ отмѣниться не льзя. Такъ для того вздумали, чтобъ ихъ служители худо одѣвались; а какъ скоро увидятъ; что прочія станутъ также худое платье носить, то я опять свой богатой кафтанъ надѣну. Вы я чаю, изволили въ Мадритѣ при Дворѣ видѣть, когда мѣщане богато наряжаются, тогда придворные простое платье носятъ.

ИЗАБЕЛЛА.

Да! ето бываетъ; однакожъ они не ходятъ въ едакихъ раздранныхъ рубищахъ.

ПЕДРО.

Да! да! сударыня! Господа мои довольно знаютъ, что дѣлаютъ, они конечно ни за что не принимаются не разсудя о томъ прежде.

ИЗАБЕЛЛА.

[*тихо*]

До тѣхъ поръ стану къ нему привязываться, пока проговорится.

[*въ слухъ*]

Да ты давиче сказывалъ Педро! что носишь етотъ изодраной кафтанъ въ воспоминаніе того знамя, которое на баталіи разбито было.

ПЕДРО.

[*тихо*]

Чтобъ тебя чортъ взялъ съ вопросами.

[*въ слухъ*]

Я право не помню, что сказалъ сударыня, да я знаю то, что господъ моихъ домъ полонъ золота и серебра, и всякихъ драгоцѣнныхъ камней; и потому видно, что не отъ бѣдности ето дѣлается. Подумайте сударыня! между прочими драгоцѣнностями есть у нихъ родословная книга, которая больше нѣсколькихъ тысящь стоитъ.

ИЗАБЕЛЛА.

А какъ во оцѣнку придетъ, то можетъ быть не больше десяти копѣекъ оцѣнятъ; да и то на охотника, а барышникъ и того не дастъ: я знаю.

ПЕДРО.

Я хожу въ изодранной ливреѣ, ето правда, да ето не для бѣдности господъ моихъ, и я могу вамъ доказать сударыня, что сколь ни худо мое платье; однакожъ я ношу шелковой платокъ въ карманѣ.

{*выдернулъ изъ кармана худой шелковой платокъ, съ которымъ выпала сухая корка хлѣба на-полъ.*}

ИЗАБЕЛЛА.

Ха: ха: ха! смотри ты богатство свое на полъ уронилъ.

ПЕДРО.

Ето кусокъ шеколаду сударыня.

ИЗА-

ИЗАБЕЛЛА.

[поднявъ кусокъ смотритъ]

Да чему петь быть; ета гнилая корка хлѣба, посмотри шеколадъ ли ето?

ПЕДРО.

Нѣтъ сударыня. Правда, ето не шеколадъ, а кусокъ хлѣба; я взялъ было его съ собою для одной причины: когда бываю я посланъ къ Герцогу Делавера со здоровьемъ, то всегда должно мнѣ брать съ собою кусокъ хлѣба, чтобъ собака у воротъ меня не съѣла.

ИЗАБЕЛЛА.

Ето правда Педро; богатые люди всегда боятся смерти ха: ха: ха: ха!

ПЕРДО.

Я беру смѣлость, сударыня! Вамъ напомнить: знатнымъ госпожамъ непригоже такъ хохотать.

ИЗАБЕЛЛА.

Благодарна другъ мой Педро за твое напоминаніе! ха: ха: ха: ха.

ПЕДРО.

Полно сударыня; право осудитъ васъ всякъ, естьли кто улышитъ или увидитъ.

[хочетъ иттить]

ИЗАБЕЛЛА.

Постой! мнѣ еще тебѣ надобно сказать нѣчто Педро; для чего ты имѣвъ такъ великой разумъ, и столько проворства употребилъ себя въ лакейскую службу? ты можешь право во что нибудь другое употребленъ быть.

ПЕДРО.

Я не студировалъ, сударыня, впрочемъ благодарю родителей моихъ за доброе воспитаніе; натура противъ меня довольно была щедра, и я бы не правъ былъ, ежели бы иначе сказать хотѣлъ: однакожъ

кожъ незнаетель вы какого случая къ лучшему для меня сударыня?

ИЗАБЕЛЛА.

Знаю; мнѣ кажется, не льзя способнѣе тебя сыскать, человѣка писать календари, а ето такое ремесло, которымъ очень хорошо и славно прожить можно.

ПЕДРО.

Я слыхалъ сударыня, что тѣмъ, кто пишетъ Календари, гораздо лгать умѣть надобно.

ИЗАБЕЛЛА.

Да я никого не знаю, чтобъ лучше твоего лгать умѣлъ, и въ вымыслахъ столько щасливъ былъ, ты; сказалъ какъ что господа твои дома сидя горохъ или кашу ѣдятъ, что и правда, и что ты вмѣсто конфектовъ ищешь пріятеля, у кого бы по обѣдать, за чѣмъ бы я тебѣ етого ремесла имѣть не совѣтовала.

ПЕДРО.

Сущую правду сказать: мнѣ хотѣлось было очень нужду и бѣдность господъ моихъ сколько нибудь прикрыть и утаить, да кусокъ хлѣба теперь обличилъ.

ИЗАБЕЛЛА.

Нѣтъ Педро! ливрея твоя давно всѣмъ доказываетъ, чему у васъ въ домѣ быть надлежитъ.

ПЕДРО.

Я боюсь, чтобъ платье самихъ господъ моихъ еще пуще не обличило; господинъ мой хотя и бархатной кафтанъ носитъ, однакожъ прочее нимало къ тому не сходно, а госпожа вырѣзываетъ задніе полотнища, и тѣмъ, передніе починиваетъ, и для того при гостяхъ не изволитъ оборачиваться спиною къ людямъ; ежелижъ отъ кого прочь идетъ, то всегда задомъ, однакожъ не для учтивости, какъ

нѣко-

нѣкоторыя дѣлаютъ, а конечно отъ глупой спеси, чтобъ никто бѣдности ихъ не примѣтилъ, которая назади ясно написана. А когда ей по нуждѣ оборотиться должно, то уже я и служанка заслонкою служимъ.

ИЗАБЕЛЛА.

Изъ всей етой нужды тотъ часъ могли бы они свободиться, когда бы только глупую спесь отложа, отдали дочь свою за-мужъ за Гонзало, которой очень въ нее влюбленъ.

ПЕДРО.

Я знаю! да они очень гордо всегда объ етомъ говорятъ; однакожъ можетъ быть теперь сколько нибудь спеси той збавятъ. Для того, что недостатокъ сталъ больше, да можетъ быть и согласится; ежели вы сами имъ о томъ поговорите, да вотъ идетъ служанка наша Леонора! вы лучше сдѣлаете; ежели съ нею о томъ поговорите, для того что она прехитрая дѣвка.

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТІЕ.

Тѣжъ и Леонора.

ЛЕОНОРА.

О бездѣльникъ! воръ! ты у меня хлѣбъ мой унесъ, что за трубою лежалъ.

ПЕДРО.

Какой хлѣбъ?

ЛЕОНОРА.

Смотри пожалуй, какъ онъ прикинулся: отдай скорѣе, мнѣ сего дни ѣсть нѣчево будетъ.

ПЕДРО.

Перестань, да одумайся лучше, что говоришь? за другое я не ручаюсь, а воромъ еще не бывалъ.

ЛЕО-

ЛЕОНОРА.

Ну полножъ перестань врать! отдай мнѣ мой хлѣбъ.

ПЕДРО.

Я побожиться готовъ, что никакого хлѣба не бралъ.

ЛЕОНОРА.

Ежелибъ всѣмъ ворамъ клятвою отъ висѣлицы избавляться было можно, то бы никто повѣшенъ не-былъ.

ПЕДРО.

Я честь мою противъ етого ставлю.

ЛЕОНОРА.

А сколько въ тебѣ чести? ты вить ужь много разъ приличонъ; да подай скорѣе хлѣбъ мой мошенникъ!

[*Вынимаетъ у него изъ кармана хлѣбъ, а онъ держитъ ето, и такъ оба разломили пополамъ, и каждой свой кусокъ положили въ карманъ. Леонора увидѣла Изабеллу сжала руками и хочетъ вонъ бѣжать.*]

ИЗАБЕЛЛА.

Слушай Леонора, я имѣю съ тобой нужду поговорить.

ЛЕОНОРА.

Ахъ сударыня! я сгорѣла отъ стыда.

ИЗАБЕЛЛА.

Дома ли господа̀ твои Леонора?

ЛЕОНОРА.

Дома сударыня: я хотѣла было шеколадъ для нихъ готовить, а етотъ бездѣльникъ Педро захватилъ нѣсколько плитокъ шеколаду къ себѣ въ карманъ, такъ я у него теперь вынула.

ИЗА-

ИЗАБЕЛЛА.

Щасmливы господа ваши, что mакихъ вѣрныхъ слугъ у себя имѣюmъ, которые бѣдность ихъ такъ прикрываmь и mаиmь могуmъ; однакожъ, когда уже обсmояmельсmва ихъ всему свѣmу извѣсmны; а къ mомужъ и вы mеперь себя обличили, mо нѣчемъ ужъ виmь поправиmь.

[*Леонора плачеmъ*]

Не плачь другъ мой, вамъ бѣднымъ еще помочь можно, mы можеmъ быmь знаешь, что браmъ мой Гонзало въ барышню вашу влюбленъ.

ЛЕОНОРА.

Ахъ сударыня! я очень еmо знаю, однакожъ не лѣзя про mо говориmъ; я слышала что госпожа наша mому удивлялась, что Гонзало взялъ mакія высокія мысли, и оmважился на дочь ихъ взоръ свой бросаmь, и mребоваmь съ ихъ сmоль знаmнымъ домомъ въ сѣмейсmво всmупиmь. Донна Марія, сколько я примѣmила, довольно склонна будучи, выговорила было въ присудсmвіи своихъ родиmелей, что разносmь не очень между вами велика; оmъ чего они чрезвычайно разгнѣвались, и съ mѣхъ поръ сmала она имъ подозриmельна и уже очень сmрого ея содержаmъ.

ИЗАБЕЛЛА.

Еmо мнѣ очень пріяmно слушаmь?

ЛЕОНОРА.

Мнѣ напроmивъ mого очень жаль; для mого что еmо предарагое диmя! ежели бы меня слезы ея не удерживали, mо бы я уже давно оmъ нихъ оmошла.

ИЗАБЕЛЛА.

Ты не поняла, что я сказала Леонора! я говорю: мнѣ пріяmно слушаmь, что она склонна къ браmу моему, а еmо обнадѣживаеmъ меня, что намѣреніе сдѣлаmься можеmъ, ежели mолько mы мнѣ поможешь; за что конечно безъ награжденія не будешь.

ЛЕОНОРА.

Я въ повелѣніяхъ вашихъ, и ежели обманы въ чемъ помочь могутъ, могу вамъ тѣмъ служить, сколько угодно; однакожъ всего лучше, когда вы сами имъ поговорите: можетъ быть спесь ихъ сколько нибудь и убавится, ежели изволите сударыня! чрезъ полчаса ихъ посѣтить, то я доведу до того, что вы ихъ увидѣть можете.

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Тѣжъ и Гонзало.

ИЗАБЕЛЛА.

Вотъ братъ мой, Леонора! онъ всю свою надежду на тебя полагаетъ; постарайся какъ нибудь въ любви его помочь.

ГОНЗАЛО.

Будь увѣрена другъ мой, что я конечно не премину тебѣ отслужить.

ЛЕОНОРА.

Государь мой! вы можете слабымъ умишкомъ моимъ повелѣвать.

ПЕДРО.

А моею и всею головою.

ГОНЗАЛО.

Да скажите мнѣ: не худо ли это; ежели я за Донну Марію вашу стану свататься.

ЛЕОНОРА.

Вчерась етого дѣлать было не лзя, а сего дни вросьлибо можно будетъ.

ГОНЗАЛО.

А для чегожъ не вчерась, а сегодни стало можно?

ЛЕО-

ЛЕОНОРА.

Для того, что вчерась было еще столько припасу, сколько къ обѣду потребно, и пока ето есть, то всегда отказнаго отвѣту надѣяться должно, а сегодни у насъ ужѐ ничего нѣтъ, чѣмъ бы пропитаться, кромѣ дѣлъ предковъ ихъ, и потому, можетъ быть, они сколько нибудь склонятся.

ПЕДРО.

Я думаю, что нигдѣ нѣтъ такихъ честныхъ мышей, какъ въ нашемъ домѣ; и я ручаюсь въ томъ, что хотя бы въ столовой горницѣ и во все дверей не затворять, то конечно все цѣло будетъ, даромъ что нѣчего ѣсть.

ГОНЗАЛО.

Истинно жалко слушать.

ЛЕОНОРА.

Етотъ одинъ способъ, чѣмъ ихъ надежда есть усмирить; здѣсь также надобно, какъ и при осадѣ крѣпости поступать, для того, что когда другаго способа нѣтъ, то надобно голодомъ выморить.

ПЕДРО.

Леонора довольно знаетъ, какъ крѣпости берутъ, потому что она на Голландской войнѣ въ походѣ сама была во употребленіи.

ГОНЗАЛО.

Ну! добро Педро, полно такъ язвительно шутить.

ЛЕОНОРА.

На его шутки не насердишся, у него и господамъ мало спуску живетъ.

ПЕДРО.

Ето правда; надобно вить какія нибудь вольности въ домѣ имѣть, гдѣ только изъ одного великодушія, а не изъ жалованья служишь. Я говорю имъ часто правду въ глаза, когда они одни дома, а при гостяхъ наблюдаю всегда почтеніе и должность.

ГОНЗАЛО.

Да не бываетъ ли имъ то когда противно?

ПЕДРО.

О! нѣтъ; они все себѣ въ честь приписываютъ; когда имъ ѣсть нѣчего, то сказываютъ они, что тотъ день хотятъ поститься; ето благородно. Буде воду вмѣсто вина пьютъ, то почитаютъ себя потомками отъ потопу, что въ то время кромѣ воды ничего не было, ето также благородно. Когда господинъ разодранные башмаки носитъ, то ето нарочно, будто отъ подагры, и ето благородно. Госпожѣ, ежели за недостаткомъ платья въ церковь итти не льзя, такъ она скажетъ, что дома молиться станетъ, для того, что ето благородно; а наконецъ, ежели я имъ нималой чести показывать не стану, то называютъ меня придворнымъ своимъ шутомъ, такъ ето ужъ и всего благороднѣе.

ГОНЗАЛО.

Постарайтесь же, чтобъ дѣло мое къ концу привесть, чѣмъ и вы щастливы быть можете.

ЛЕОНОРА.

О моемъ попеченіи сомнѣваться не извольте, а притомъ можете надѣяться на доброе начало, ибо сердце Донны Маріи на вашей сторонѣ.

ГОНЗАЛО.

Да что въ томъ прибыли, когда они еще въ прежней гордости?

ЛЕОНОРА.

Надобно прежде вашей сестрицѣ о томъ имъ представить, а буде не удастся, то другаго способа искать станемъ: мы можемъ безъ всякаго опасенія надъ ними шутку сдѣлать, потому что весь городъ ихъ ненавидитъ за несносную гордость. Всякъ станетъ

нетъ радоваться, ежели дочь ихъ выдана будетъ; извольте итти и успокойте свои мысли; а о прочемъ оставьте намъ стараться.

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Леонора и Педро.

ЛЕОНОРА.

Педро, я не требую отъ тебя при етомъ дѣлѣ ничего инаго, кромѣ молчаливости.

ПЕДРО.

Да, я могу и добрымъ совѣтамъ помочь.

ЛЕОНОРА.

А какой доброй совѣтъ можешь ты дать?

ПЕДРО.

Увидишь! вить не льзя доброго-то совѣта изъ за пазухи выдернуть, надобно время мнѣ подумать; да я ужъ почти и вздумалъ нѣчто.

ЛЕОНОРА.

Ну! а чтожъ такое ты вздумалъ?

ПЕДРО.

Я ничего не вздумалъ, а думаю только объ одной вещи, а именно: когда мы любовниковъ нашихъ счастливыми сдѣлаемъ; то надобно будетъ намъ къ господину Гонзалу въ службу итти.

ЛЕОНОРА.

Всего лучше, ежели ты останешся при етомъ своемъ мнѣніи одинъ, о прочемъ стараться дашь волю. Я ужъ буду думать, что надобно, а отъ тебя не требую ничего инаго, какъ только, чтобъ ты молчалъ, и не подалъ бы причины Гусману, Пажу нашему, о томъ догадаться.

ПЕДРО.

Удивительно ето, чтобъ женщины мущинамъ о молчаливости предписывали; знаешь ли ты, что

нѣкоторой ФилософЪ о женщинахЪ сказалЪ: онЪ говоритЪ: вотЪ на! на ету пору и не вспомнишь.

ЛЕОНОРА.

ОнЪ говоритЪ, чтобЪ едакая тварь, какЪ ты, за философскія книги, чего не разумѣешь, не хватался; а впрочемЪ, чтобы онЪ о женщинахЪ ни вралЪ, все ето плюнуть; сколькожЪ я знаю, то лучшія мужскія тайности за рюмкою вина наружу выходятЪ, и для того по моему мнѣнію не должно такого, кто пьянству подверженЪ, вЪ важныя чины употреблять, гдѣ молчаливость потребна. Тайности однимЪ женщинамЪ ввѣривать должно, для того, что они пить не любятЪ.

ПЕДРО.

Да и то правда, что имЪ нѣкоторые тайности бываютЪ ввѣрены. Ба! да вотЪ ГусманЪ идетЪ, полно о томЪ говорить.

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

ТѣжЪ и ГусманЪ.

ГУСМАНЪ.

ЧертЪ сЪ вами, вы здѣсь стоючи болтаете, а господа васЪ ужЪ трижды кликали. Леонора! когда бывало захочется мнѣ сЪ тобою слово молвить, то тебѣ и время нѣтЪ, а теперь вотЪ сЪ етою подлою тварью хоть цѣлой часЪ стоять да болтать такЪ готова.

ПЕДРО.

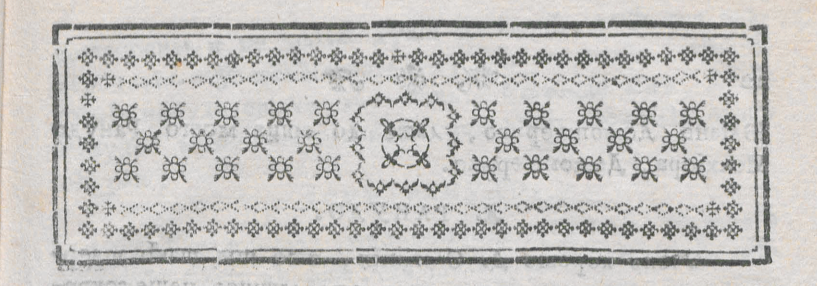
Правда, что ты человѣкЪ очень знатной ГусманЪ! ето и по ливреѣ твоей видно.

ГУСМАНЪ.

Добро, ступай домой, да не ври.

КОНЕЦЪ
ПЕРВАГО ДѢЙСТВІЯ.

ДѢЙСТВІЕ



ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.



ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Донъ Ранудо, Донна Олимпія, Педро.

Д. РАНУДО.

Нѣтъ Донна Олимпіа, етотъ первой у насъ въ фамиліи былъ; я покажу тебѣ въ нашей родословной такого Колибрадоса, которой еще за 50 лѣтъ до Арапскаго въ Испанію прихода жилъ; мы гораздо благороднѣе, нежели ты думаешь.

Д. ОЛИМПІЯ.

Статное ли дѣло Донъ Ранудо? да покажи мнѣ ето пожалуй!

ДОНЪ РАНУДО.

[*показываетъ ей книгу развернутую*]

На! смотри! вотъ, етотъ ли? А кто они? Де Колибрадосъ былъ вить гораздо прежде!

ДОННА ОЛИМПІЯ.

Етого бы я за милионъ не уступила; я думала, что замужствомъ своимъ нѣсколько унизила, а свою фамилію могу я по пальцамъ разсказать отъ самаго

Юліано Демонтерико, даже до отца моего Ранудо Мелхіора, Демонщерико.

Д. РАНУДО.

Очень хорошо Д. Олимпія, что ты такъ твердо помнишь, для того, что ето лучшее наше сокровище.

ПЕДРО.

Я думаю, милостивой государь! что ето только одно и есть; а что въ домѣ ни сыщется, то врядъ на гривну наберешъ ли, ежели въ оцѣнку придетъ.

Д. РАНУДО.

То даромъ Педро; имя мое и родословіе предковъ моихъ, довольно для меня богатства, когда я ето читаю и вижу дѣла предковъ моихъ, то я такъ сытъ, какъ на какомъ собраніи.

ПЕДРО.

Да! такъ, я вижу! отъ чего вы, милостивая государыня, такъ мало о кушаньѣ думать изволите? у кого дюжинъ пять шесть едакихъ Колибрадосовъ въ желудкѣ, у того мало мѣста для другой пищи останется. Когда бывало услышу я, что у васъ въ брюхѣ ворчитъ, то думалъ, что ето непремѣнно древніе Колибрадосы; потому что старинные герои и по смерти своей всегда воютъ. Напротивъ того, когда у меня по брюху ворчитъ, то ето знакъ, что ѣсть хочется; однако жъ мое совсѣмъ иное дѣло; потому что я самой подлой желудокъ имѣю, и для того должно мнѣ что нибудь да ѣсть, а безъ того я какъ вамъ, такъ и милостивой государынѣ больше служить не въ состояній.

Д. ОЛИМПІЯ.

Ужасно истинно съ такими подлыми людьми! я думаю, что они изъ какой нибудь другой матеріи

сотво-

сотворены и не такія души имѣютъ, какъ мы благородныя. У нихъ только и въ мысляхъ, чтобъ чѣмъ нибудь брюхо наполнить. Скажите мнѣ, Донъ Ранудо! можно ли едакимъ подлымъ людямъ быть въ раю!

ДОНЪ РАНУДО.

Да! я думаю, что они нѣкоторымъ образомъ могутъ быть въ раю, да только не въ такомъ мѣстѣ, какъ мы; потому что сколь много разности между благородными и подлыми; такъ напротивъ того разность есть между подлыми и несмысленными скотами. Я не могу сказать, чтобъ имъ вовсе въ раю быть не можно было, а однако жъ какъ они такихъ же глупыхъ мыслей, какъ и скоты, то не знаю, льзя ли имъ имѣть въ томъ надежду.

ПЕДРО.

Извольте посмотрѣть, милостивой государь! какова моя ливрея.

Д. РАНУДО.

Да! это благородная ливрея.

ПЕДРО.

Не только благородная, да еще и свѣтлѣйшая ливрея, однако по ней видно, что у насъ только одно то есть, что васъ на томъ свѣтѣ утѣшить можетъ: а здѣсь со всею вашею свѣтлостію, кромѣ голоду да бѣдности, ничего нѣтъ.

Д. ОЛИМПІЯ.

Педро! тебѣ опомниться должно, кто ты; и съ кѣмъ говоришь! мнѣ кажется ты забылся.

ПЕДРО.

Смѣлость говоритъ одна только! и есть милость, которую я здѣсь въ домѣ имѣю, милостивая государыня; а больше вить вы ничего мнѣ не жалуете;

те; ежели жъ и вольность ту отъ меня отнять, то я смѣло могу сказать, что я изъ одного того великодушія служу. Будежъ вы то изволите мнѣ дать, что въ другихъ домахъ служители получаютъ, то стану и я наблюдать такое жъ почтеніе, какъ и прочіе лакеи господамъ своимъ дѣлаютъ.

Д. РАНУДО.

Не замай его Донна Олимпія Короли и Князья сносятъ єлакія шутки отъ своихъ шутливыхъ людей, коихъ употребляютъ они для провожденія времени. Намъ также надобно себя въ етомъ случаѣ показать, что мы благородные люди. Пожалуй говори Педро все, что ты хочешь, когда мы одни, лишь только при постороннихъ наблюдай почтеніе.

ПЕДРО.

Честь и знатность Вашего Высокородія, кажется мнѣ, на семъ свѣтѣ деревомъ, на которомъ лишь только худые плоды растутъ, да еще и разные: на нѣкоторыхъ сучьяхъ растетъ спесь или гордость, на другихъ опять голодъ и холодъ, а на томъ свѣтѣ а вось либо что нибудь иное будетъ.

Д. РАНУДО.

Ты очень простъ Педро! такіе благородные люди, какъ мы, не бѣдны, и они называются вить. . .

т. е. богатые люди.

ПЕДРО.

Правда, что они называются богатыми людьми, такъ какъ лицемѣры божіими слугами, потому, что лицемѣры столь праведны и богобоязливы, сколь тѣ богаты; слыть богатымъ вить только лишь по имени; а кто по имени богатъ, тому дѣйствительно богатому никакъ быть не льзя.

Д. РА-

Д. РАНУДО.

О чемъ ты думаешь Донна Олимпія? ты нѣчто въ глубокихъ мысляхъ.

Д. ОЛИМПІЯ.

Я думаю, отъ чего ето сдѣлалось, что вчерась ни одинъ стихотворецъ не приходилъ къ намъ поздравить съ именинниками?

ПЕДРО.

Ха: ха: ха: вы нашихъ стихотворцовъ хорошенько знать не изволите, милостивая государыня! Конечно въ домъ вамъ ни одинъ изъ нихъ больше не заглянетъ, для того что здѣсь нѣтъ уже того магнита, которой ето желѣзо притягиваетъ. Ежели вы изволите и весь свой титулъ и всю родословную надъ воротами большими литерами приказать написать, а сосѣдъ нашъ портной, поставитъ хоть одно блюдо жаренаго или пирогъ у себя передъ воротами, то тотчасъ увидите, которой магнитъ сильнѣе будетъ. Я знаю всѣхъ почти здѣсь въ городѣ; и ежели бы я одного только изъ нихъ обѣдать позвалъ, то бы онъ сдѣлалъ мнѣ родословную, въ которой довелъ бы, что я происхожденіе мое отъ Царя Саула имѣю; все то утвердилъ бы стихами своими, что я гораздо благороднѣе, нежели Ваше Высокородіе.

Д. ОЛИМПІЯ.

Смѣшно право мнѣ, Педро, надъ тобою! Велика бы то была честь, что стихотворецъ тебѣ напишетъ, и отъ Царя Саула родъ твой поведетъ, вить тѣмъ онъ тебя сдѣлаетъ Жидовиномъ.

ПЕДРО.

Какъ бы да не такъ, развѣ Царь Саулъ . . . Я Царя Саула довольно знаю; да какъ бы вы ни изволили думать. Хотя я и не ученъ; а что до стихотворцовъ надлежитъ, то не спрашиваютъ они,

кому похвалы пишутъ. Достоинъ ли онъ того или нѣтъ; да смотритъ лишь только, хорошо ли за то платятъ. Какъ скоро увидятъ они деньги, то повелетъ ихъ не знаю какой духъ на самую верьхушку Аполлона или Геликона, какъ они то называютъ; и тамъ придутъ тотчасъ къ какимъ то стихотворческимъ духамъ, такъ, что съ зади и съ переди у нихъ стихи валятся. А буде не видятъ денегъ, то не видятъ и добродѣтели или похвальныхъ дѣлъ ни на-волосъ; и во всемъ дѣлѣ у нихъ ни одной риемы не найдешь; хоть разрѣзавши внутреннюю перещи. Ето мнѣ можно знать потому, что я самъ нѣкоторымъ образомъ стихотворецъ, и могу больше шести человѣкъ поетовъ въ родѣ своемъ счесть, кои всѣ такіе же бездѣльники были.

Г. РАНУДО.

По етому ты еще не можешь назваться стихотворцемъ, когда лишь только въ родѣ твоемъ ихъ нѣсколько было; а самъ не стихотворецъ.

ПЕДРО.

Конечно можно; такъ по етому и вы не благородные люди, хотя въ своей фамиліи и много великихъ людей счесть можете: и когда тотъ только стихотворцемъ назваться долженъ, кто самъ стихи дѣлаетъ, то должно и благороднымъ называться тому, кто самъ великія и славныя дѣла дѣлалъ.

Д. РОНУДО.

Нѣтъ, Педро! благородность по природѣ приходитъ.

ПЕДРО.

И Поезія также вить говоритъ, что и Поеты родятся.

Д. РАНУДО.

То такъ! однакожъ совсѣмъ инакимъ образомъ.

ЯВЛЕНІЕ

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Тѣжъ и Леонора.

ЛЕОНОРА.

Изабелла Гонзалова сестра желаетъ Ваше Высокородіе видѣть.

Д. ОЛИМПІЯ.

Проси, чтобъ она пожаловала на часокъ въ другой горницѣ подождала, чтобъ намъ нѣсколько убраться и пристойнымъ образомъ дать ей себя видѣть, а между тѣмъ дай мнѣ на-голову уборъ поскорѣе, да зеркало.

Д. РАНУДО.

Принеси мнѣ бархатной мой кафтанъ, Педро!

ПЕДРО.

Да! къ изодраннымъ-та чулкамъ, ето очень пристанетъ.

Д. РАНУДО.

Развѣ видны диры на чулкахъ-то.

ПЕДРО.

Нѣтъ! только съ пять-шесть.

Д. РАНУДО.

Возьми немножко чернилъ, Педро! да замажь диры, такъ и не будетъ видно.

ПЕДРО.

Я опасенъ, милостивой государь! что и цѣлой чернилицы не достанетъ, для того, что диръ-то очень много.

Д. РАНУДО.

Поди, да сдѣлай, что я тебѣ приказываю.

[*Педро взялъ чернилицу и маратъ чулки*]

ПЕДРО.

ПЕДРО.

Да башмаки-та не прикажитель помарать, вить и на них очень много худаго видно.

Д. РАНУДО.

Нѣтъ, ето дурно будетъ, я могу сказать, что нарочно башмаки изодраны для подагры.

ПЕДРО.

Да изъ кафтана позади вырѣзано, знать на заплаты; такъ вить не льзя сказать будетъ, что будто ето отъ куричей слѣпоты.

Д. РАНУДО.

Люблю я иногда твои шутки, Педро! а иногда мнѣ ужъ и досадно: однакожъ нѣтъ ничего, лишь только при постороннихъ наблюдай почтеніе, а о кафтанѣ не тужи: я ужъ сдѣлаю такъ, что у меня ни кто спины не увидитъ.

ПЕДРО.

Мнѣ кажется лучше было бы, ежели бы мы етотъ полубархатной кафтанъ продали а на тѣ деньги цѣлое платье суконное достали.

Д. РАНУДО.

Нѣтъ, Педро, по бархатному кафтану видно, что я высокое сердце и благородную душу имѣю, хотя и не богатъ; на противъ того, ежели бы я въ простомъ суконномъ платьѣ ходилъ; то стали бы люди меня за простаго мѣщанина почитать, илибъ подумали, что я не имѣю доброй души и для того ношу я хотя не богатое; однакожъ благородное платье: одѣлась ли ты Д. Олимпія?

Д. ОЛИМПІЯ.

[*наряжась*]

Совсѣмъ готова Д. Ранудо.

Д. РА-

Д. РАНУДО.

Ты такъ разрядилася, что иной и кокеткой тебя назоветъ.

ПЕДРО.

Однакожъ назади то богадѣльня наша очень видна.

Д. ОЛИМПІЯ.

[*Леонорѣ*]

Проси сюда госпожу Изабеллу.

{*Леонора выходитъ вонъ ввести Изабеллу; а Педро становится за стуломъ у Д. Ранудо въ большихъ очкахъ по Португальскому манеру.*}

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТІЕ.

Д. Ранудо, Д. Олимпія, Изабелла и Педро.

[*Д. Олимпія сидитъ въ ветхихъ креслахъ Испанскомъ гранцеци ковыряетъ въ зубахъ, Д. Ранудо тожъ дѣлаетъ при входѣ Изабеллы приподнялись не много, пока ей стулъ подавали, однакожъ садится опять прежде ея, Педро ветхимъ опахаломъ обмахиваетъ ихъ.*]

ИЗАБЕЛЛА.

Сто милiоновъ разъ прошу о прощенiи, что я отважилась принять смѣлость васъ, милостивая государыня! сего дни отяготить моимъ посѣщенiемъ.

Д. ОЛИМПІЯ.

Вы намъ не въ тягость, сударыня, мы привыкли ужъ всякой день отъ утра до вечера визиты принимать. Я думаю, что мы сего дни больше осьми знатныхъ визитовъ имѣли; не можетель вы Д. Ранудо вспомнить, кто такiе сегодни у насъ были.

Д. РАНУДО.

Никакъ не льзя; въ нашемъ домѣ столько прiѣзду какъ во дворцѣ. Педро! не можешь ли ты пересказать, кто намъ сего дни визитъ сдѣлалъ?

ПЕДРО.

ПЕДРО.

[*Поправляетъ очьки и читаетъ въ записной книгѣ своей*]

Здѣсь были сего дни Конделъ Демонтедора, Маркизъ Фердинандо, Делеонигро съ Маркизою, своею супругою, Д. Себестіянъ, Дебракелъ, Доро, и Герцогъ Деша, Казось съ Герцогинею; а послѣ Маркизъ, Фердинандо, Гонзало, Филиппо, Карлдьяго, Сабастіано, Фемакрель, Арифектельцъ съ супругою.

[*Тихо смотрителямъ*]

У послѣдняго то знать не одинъ отецъ былъ; для того, что очень много у него именъ.

Д. ОЛИМПІЯ.

Вотъ слышите, сударыня, сколько мы сего дни визитовъ имѣли; вы не прогнѣвайтесь на меня, что я сидя въ зубахъ чищу, мы вотъ теперь лишь только каплуна ѣли, а ето мясо всегда зубамъ моимъ дѣлаетъ тягость.

ИЗАБЕЛЛА.

Милостивая государыня! вы можете вольность вашу всегда употреблять; я сего дни имѣю честь вамъ поклонъ мой отдать по прозьбѣ одного человѣка, которой просилъ меня, чтобъ я исходатайствовала ему благосклонность Вашего Высокородія.

Д. ОЛИМПІЯ.

Мы оба почитаемъ то себѣ за удовольствіе, чтобъ всѣмъ честнымъ людямъ чѣмъ нибудь служить: можетъ быть намѣренъ онъ въ Мадритъ ѣхать, и хочетъ рекоммендаціи отъ насъ къ кому нибудь. А кто етотъ, о которомъ вы говорите?

ИЗАБЕЛЛА.

Ето братъ мой Гонзало: онъ имѣетъ великую любовь къ дочери вашей и желаетъ на ней жениться.

Д. ОЛИМ-

Д. ОЛИМПІЯ.

Я и мужЪ мой, сударыня, имѣемЪ кЪ вамЪ и кЪ брату вашему столько почтенія, сколько состояніе наше допуститЪ; однакожЪ.

ИЗАБЕЛЛА.

Я очень знаю, что вы говорить изволите, милостивая государыня! Ваша фамилія старѣе нашей, а ето не равность не допускаетЪ васЪ кЪ тому; однакожЪ не можетЪли тѣмЪ сравниться, когда мы достатокЪ свой противЪ вашего поставимЪ.

Д. ОЛИМПІЯ.

О сударыня! намЪ все не о пожиткахЪ слово: я снесу лучше крайнюю бѣдность, нежели допустить себя до того, чтобы фамиліи нашей вЪ позорЪ или вЪ нареканіе было: я покажу вамЪ нашу радословную, то увидите, сколь ето дѣло не возможное. Я какЪ теперь помню послѣднія слова покойнаго родителя моего. что не оставлю тебѣ достатка, дочь! говорилЪ онЪ, однакожЪ много чести и высокую природу, бойся Бога, помни предковЪ, и умри лучше вЪ дѣвкахЪ вЪ бѣдности, нежели сдѣлай какое поношеніе нашей фамиліи, сЪ сими словами онЪ скончался.

ИЗАБЕЛЛА.

Ето самое христіанское наставленіе, дочери своей совѣтовать, какЪ должно спесивѣе быть, да еще и при самомЪ концѣ жизни своей.

Д. ОЛИМПІЯ.

НѣтЪ, сударыня! онЪ мнѣ не гордость, а благородную амбицію имѣть совѣтовалЪ. Я по совѣту его и поступила, вышла за мужЪ вЪ самую знатнѣйшую фамилію.

ИЗАБЕЛЛА.

Извольте разсудить, Ваше Высокородіе, сколь жалко ето, когда благородные люди не имѣютЪ столь-

ко достатку, чѣмъ бы по достоинству своему себя содержать могли, кромѣ того, что отъ бѣдности терпятъ великую нужду, да еще и въ посмѣяніи у всѣхъ.

Д. ОЛИМПІЯ.

Повѣрьте мнѣ, сударыня! что я ни одной литеры изъ твоей родословной за лучшую вотчину не отдамъ.

Д. РАНУДО.

Вотъ прямо по геройски сказано, Донна Олимпія! Что должно золотыми литерами написано быть: ни одной литеры за лучшую вотчину не отдамъ.

[*Педро повторяетъ сказанное и записываетъ въ свою книжку*]

ИЗАБЕЛЛА.

Да дочь ваша тѣмъ ничего благородства не потеряетъ.

Д. РАНУДО.

О, сударыня! намъ больше объ етомъ знать должно; вить весь свѣтъ знаетъ, какая великая разность между фамиліями вашею и нашею?

ИЗАБЕЛЛА.

Однакожъ вить многіе чрезъ нашу фамилію съ вашею фамиліею посвоились.

Д. РАНУДО.

Хотя бы весь свѣтъ то дѣлалъ, да не Д. Ранудо Де-Колибрадосъ.

[*Педро повторяя пишетъ въ книжку Д. Ранудовы слова*]

ИЗАБЕЛЛА.

Я довольно знаю, что многіе народы нашу Испанскую націю за гордость презираютъ.

Д. РА-

Д. РАНУДО.

Не говорите етого, сударыня, есть націи, въ которыхъ знатныя фамиліи еще больше имѣютъ амбиціи: въ Индіи есть люди, которые называются Найрамъ, они всегда умываютъ рýки, ежели до кого другаго дотронутся; иногда имъ куда итти надобно, то прежде публикуютъ, чтобъ никто къ нимъ близко не подходилъ.

ИЗАБЕЛЛА.

Вотъ сáмые таковскіе люди, что только въ примѣръ ставить; я вижу, что напрасно прилагаю мое стараніе. Вреда мнѣ въ томъ не много, ежели и отказной отвѣтъ получу, да сожалѣю больше о вашемъ худомъ состояніи и бѣдности, въ чемъ вамъ, какъ я вижу, для гордости вашей тяжело помóчь.

Д. ОЛИМПІЯ.

Перестаньте сударыня попреками своими досаждать, кто отваживается на ето, тому конечно худо быть можетъ, что одна только напраслина, и отъ злости про насъ говорятъ, будто мы бѣдны; вить еще тотъ не вó-все бѣденъ, у кого наличныхъ денегъ въ домѣ нѣтъ, очень часто бываетъ, что когда отданы всѣ деньги вдругъ въ проценты, а самому случится нужда; то иногда и занять придетъ надобно, повѣрьте сударыня, что мы не бѣдны, лихіе люди только ето про насъ говорятъ.

ИЗАБЕЛЛА.

Я не попрекаю никому въ бѣдности, а для того только сюда пришла, чтобъ сдѣлать вамъ такое предложеніе, отъ котораго отказать вамъ, кажется мнѣ, всѣ обстоятельства запрещаютъ.

Д. ОЛИМПІЯ.

Мы состояніемъ своимъ очень довольны.

ИЗАБЕЛЛА.

Когда вы довольны своимъ состоянiемъ, такъ мнѣ нѣчего больше говорить, однакожъ я совѣтую вамъ лучше одуматься, когда придутъ должники, въ чемъ я не увѣрена, и отъимутъ все послѣднее, такъ не будетъ ли вамъ то досадно, а при томъ и отъ людей не безъ стыда, что въ столь полезномъ себѣ отказали.

Д. ОЛИМПIЯ.

Какъ бы украшены рѣчи ни были, сударыня, и сколь полезно вамъ все ваше намѣренiе для насъ ни кажется; однакожъ не можете вы ни меня, ни мужа моего къ тому уговорить.

Д. РАНУДО.

Нѣтъ, сударыня, повѣрьте мнѣ, что ето дѣло совсѣмъ не къ стати.

ИЗАБЕЛЛА.

Жаль мнѣ очень, что я ету коммисiю на себя взяла.

Д. ОЛИМПIЯ.

Мы право на васъ за ето не досадуемъ: вы не виноваты, что для брата старались, да и на него пенять нельзя, потому, что любовь приводитъ человѣка къ великой дерзости: однакожъ какъ сказано; дѣло ето такое, которому совсѣмъ не возможно статься.

ИЗАБЕЛЛА.

Такъ я прошу прощенiя.

[*встаетъ*]

Д. РАНУДО.

Слуга вашъ, сударыня, ежели мы чѣмъ вамъ служить можемъ, прошу приказать, а что до требованiя вашего надлежитъ, то вы разсудя сами увидите, что совсѣмъ не къ стати.

[*Изабелла отходитъ, а они не много приподнялись въ креслахъ, Леонора провожаетъ ея до двери*]

ЯВЛЕНIЕ

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Леонора, Д. Ранудо, Д. Олимпія и Педро.

ЛЕОНОРА.

Госпожа Изабелла приказала вашему Высокородію покорнѣйшій поклонъ отдать, и приказала просить, чтобъ етотъ кошелекъ съ деньгами благосклонно принять изволили. Я было и взять его не хотѣла, однакожъ она мнѣ насильно въ руку положила.

Д. ОЛИМПІЯ.

Ета бездѣльница думаетъ, развѣ ето мы нищія. Поди тотъ часъ, и брось ей назадъ въ глаза; за ето непремѣнно должна она наказана быть. Слыханаяль ето дерзость! подлая баба хочетъ милостыню давать мой, у которой прабабушка отказала за мужъ итти за Д. Алфонза Дернбера.

{ *Леонора бѣжитъ вонъ съ кошелькомъ, и пришла опять, Педро притворится сердитымъ, и Изабелла говорятъ по перемѣнкамъ съ господами.* }

ПЕДРО.

[*тихо къ смотрителямъ*]

И которая правнучкѣ своей въ наслѣдство оставила два превеликихъ сундука полные, одинъ гордости а другой бѣдности.

Д. РАНУДО.

Она хочетъ милостыню давать Колибрадосу, котораго предки столь великія Государству услуги дѣлывали.

ПЕДРО.

[*тихо*]

А потомки его цѣлой день въ зубахъ ковыряютъ.

Д. ОЛИМПІЯ.

Чьи предки нищимъ милостыню ничѣмъ инымъ какъ золотомъ и дорогими каменьями давали?

ЛЕОНОРА.

[*тихо*]

А потомки ничего не дают; для того, что и самим ѣсть нѣчего.

Д. РАНУДО.

Чьи предки храбростiю и великими своими дѣлами в великую знатность вошли?

ПЕДРО.

[*тихо*]

А потомки за их глупую спесь из числа фамилiи их выкинуты быть должны.

Д. РАНУДО.

Кто по прямой линѣи происходит от Дона Поспѣро де Колибрадос, которой на баталiи при Бургос четыреста своею рукою арапов побил.

ПЕДРО.

[*тихо*]

А потомство славнаго Колибрадоса всякой день сот по пяти животных ногтьми своими побивает.

Д. ОЛИМПIЯ.

Что бы сказал прапрадѣд мой Д. Ульяно де Монтерико, когда бы он теперь встал из гроба, и ето увидѣл?

ЛЕОНОРА.

[*тихо*]

Он сказал бы, возьми деньги то дурища, да купи себѣ какой нибудь лоскут, и сдѣлай вставку назади в юпкѣ.

Д. РАНУДО.

Чтобы на ето сказал Д. Аннонно де Колибрадос, ежелибы он встал из мертвых?

ПЕДРО.

Он сказал бы, дурак, отложи свою спесь, да поди работай, чтоб башмаки было на что купить.

Д. ОЛИМ-

Д. ОЛИМПІЯ.

Чтобы сказала Д. Аннонила моя сродственница? которая отреклась принять десять тысячь червонныхъ отъ двора за службу мужа ея.

ЛЕОНОРА.

[*тихо*]

Она бы сказала, я де отъ великодушія ето сдѣлала, для того что я и безъ того богата была, а ты достойна посажена быть въ тюрьму за то, что презираешъ честныхъ людей подарки, и хочешь лучше съ голоду умереть.

Д. РАНУДО.

Чтобы сказалъ Д. Гусманъ де Колибрадосъ? которой сто тысячь червонныхъ на строеніе трехъ пирамидъ употребилъ.

ПЕДРО.

[*тихо*]

Онъ сказалъ бы; возможное ль ето дѣло что такой скаредъ въ фамиліи нашей родился, которой лѣностью своею и нерадѣніемъ до такой крайной бѣдности себя довелъ

Д. РАНУДО.

Однакожъ можетъ быть, она и съ простоты ето сдѣлала, и едакіе люди кажутся передъ нами крестьянами, ежели бы я зналъ, что ето съ ругательства она сдѣлала, то бы я весь родъ ихъ искоренилъ, полно она точно съ простоты сдѣлала; и для того надобно мнѣ лишь только смѣяться. Не смѣшно ли ето Педро?

ПЕДРО.

Правда, что смѣшно ето; однакожъ я увѣряю васъ, что сколь ни бѣденъ я, а отваживался подаренной мнѣ недавно червонной отъ сожалѣнія Вашему Высокородію отдать, что вы и приняли; удивительно

но правду сказать и то, что Ваше Высокородіе за то осердились, что вамъ изъ христіанской любви помочь хотѣли.

Д. ОЛИМПІЯ.

Д. Ранудо, не льзя намъ больше етого нечестивца въ домѣ держать своемъ; для того, что его шутки очень вредны.

ПЕДРО.

Повѣрьте, милостивая государыня, что мнѣ не можетъ быть больше угожденія, какъ то, что вы меня со двора сошлете, для того, что я служу здѣсь вить только изъ одной чести.

Д. РАНУДО.

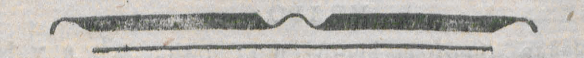
Слушай Д. Олимпія, я говорилъ вить тебѣ, что намъ не обходимо шутливаго человѣка въ домѣ у себя имѣть надобно. Во всѣхъ своихъ шуткахъ онъ говоритъ правду, онъ въ томъ правъ, а вы за свою оплошность осужденія достойны, что не послали къ купцу взять на имя мое какой нибудь парчи себѣ на платье. Слушай Педро, когда къ слову теперь стало, сходи ты къ купцу Сулану, и возьми у него на мое имя штофу госпожѣ на платье.

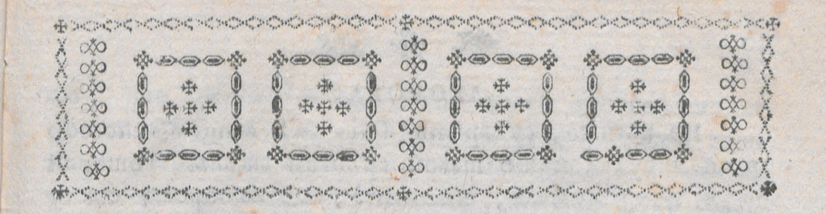
ПЕДРО.

Слышу сударь; авосьлибо купецъ сего дни другаго мнѣнія, нежели вчерась былъ.

КОНЕЦЪ

ВТОРАГО ДѢЙСТВІЯ.





ДѢЙСТВІЕ ТРЕТІЕ.



ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Д. Марія и Леонора.

Д. МАРІЯ.

Сгордость родителей моихъ, Леонора, и бѣдность наша чрезвычайная приходитъ, а щастье, они по одной спеси его презираютъ, и хотятъ лучше по миру ходить; пускай бы ужѐ кто подлой хотѣлъ на мнѣ жениться, такъ бы и неудивительно было, что ему отказываютъ. А то дворянинъ да еще и довольно знатной, а къ томужъ богатъ и очень добрыхъ свойствъ?

ЛЕОНОРА.

Вамъ грѣхъ будетъ, ежели вы въ етомъ дѣлѣ по волѣ родителей своихъ поступите; для того что они нелюбочестны, а больше безумны.

Д. МАРІЯ.

Любовь твоя довольно меня увѣряетъ, что ты все для меня сдѣлать не откажешь, что въ твоей силѣ, и для того я хочу совѣтамъ твоимъ слѣдовать. [*плачетъ*]

ЛЕОНОРА.

Не плачте, сударыня, мы ужъ сыщемъ способъ какой нибудь; нѣтъ такой крѣпкой стѣны, которой бы я не разломала, ни замка, къ которому бы у меня ключа не-было; изволь смѣло на меня надѣяться. Всё будетъ изрядно, я ужъ съ Гонзаловой сестрою обо всемъ переговорила, и думаю, что намъ удастся, а буде не такъ, то и увесть васъ не диковинка. Ба! да вотъ они идутъ, пойдемъ на часъ вонъ.

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Донъ Ранудо, Донна Олимпія, Педро.

ДОНЪ РАНУДО.

Ну Педро, что сказалъ купецъ?

ПЕДРО.

Онъ на прямки мнѣ сказалъ: поклонись своимъ господамъ обманщикамъ, и скажи имъ, чтобъ они старые долги напередъ заплатили. Съ купцами нынѣ дурна шутка; когда что нибудь къ нимъ пришедъ скажешь, то всегда у нихъ едакое подчиванье.

ДОНЪ РАНУДО.

Естьли у тебя свидѣтели? какъ онъ это говорилъ.

ПЕДРО.

Да тото и бѣда, что онъ не говорилъ, а такъ, какъ Турки въ Царѣградѣ дѣлаютъ, знаками только мнѣ то показалъ, далъ мнѣ двѣ пощочины, сперва по етой щекѣ, которое вмѣсто того, чтобъ сказать, поклонись своимъ господамъ, а послѣ вотъ по етой, что значитъ обманщика; а потомъ схватилъ съ меня шляпу, то есть заплати старой долгъ, а наконецъ изъ лавки выбилъ, которое, я думаю, значитъ

то, что ежели господа твои долгъ добровольно не заплатятъ, то я судомъ искать буду; я самъ хоть и не умѣю едакими знаками говорить: однакожъ когда люди ихъ употребляютъ, такъ я могу совершенно то разумѣть.

Д. ОЛИМПІЯ.

Куда какой бездѣльникъ! да полно много такихъ глупыхъ и несмысленныхъ людей здѣсь въ городѣ: они ни малѣйшаго почтенія къ благороднымъ людямъ не имѣютъ.

ПЕДРО.

Ето правда, Ваше Высокородіе, имъ бы должно было за честь себѣ почитать, чтобъ отъ такихъ знатныхъ господъ быть обманутыми.

Д. РАНУДО.

Ну добро, Педро, перестань пожалуй, поди на часъ вонъ, я хочу одинъ съ женою остаться.

[*Педро отходитъ*]

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТІЕ.

Донъ Ранудо, и Донна Олимпія.

ДОНЪ РАНУДО.

Донна Олимпія, что станемъ мы сего дни ѣсть?

Д. ОЛИМПІЯ.

То, что вчерась, да и всегда ѣли: первое кушанье будетъ горохъ, другое горохъ будетъ, а третіе хоть горохъ же поставить можемъ.

Д. РАНУДО.

Да намъ нельзя долго едакъ прожить будетъ; я уже въ такую пришелъ слабость, что на силу на ногахъ стоять могу.

Д. ОЛИМПІЯ.

АхЪ! ежели бы и мнѣ не стыдно было работать, то бы я могла сколько нибудь на пропитаніе себѣ достать своими руками; голодЪ намЪ несносенЪ становится.

Д. РАНУДО.

Бѣдной крестьянинЪ теперь сидитЪ у насЪ передЪ воротами, и ѣстЪ сЪ великимЪ апетитомЪ. ОнЪ бываетЪ вЪ етомЪ случаѣ щастливѣе насЪ.

Д. ОЛИМПІЯ.

Щастливѣе насЪ онЪ быть не можетЪ, потому что какЪ бы онЪ щастливЪ ни былЪ, однакожЪ всетаки онЪ не больше насЪ крестьянинЪ. Жаль же мнѣ его бѣднаго, что онЪ принужденЪ на дворѣ сидя ѣсть.

Д. РАНУДО.

А что хуже? на дворѣ ли сидя ѣсть, или вЪ горницѣ голодну быть?

Д. ОЛИМПІЯ.

Все дурно; хотя подлымЪ то только прилично, однакожЪ сколько нибудь питаетЪ, а другое благороднѣе да не напитаетЪ.

Д. РАНУДО.

ПозовемЪ бѣднова мужичка сюды, чтобЪ онЪ здѣсь сидя пообѣдалЪ спокойнѣе, а на дворѣ мучатЪ ево вѣтрЪ и солнце, мухи, люди и собаки.

Д. ОЛИМПІЯ.

Изрядно, позови его; лучше хочу крестьянина вЪ домѣ своемЪ видѣть, нежели незнатнаго дворянина; для того что крестьянинЪ почтетЪ себѣ то за милость нашу, а дворянинЪ думать станетЪ, что ему и всегда можно сЪ нами мѣстничаться.

[*ДонЪ Ранудо вышедЪ, вводитЪ крестьянина.*]

ЯВЛЕНІЕ

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Донъ Ранудо, Донна Олимпія и крестьянинъ.

ДОНЪ РАНУДО.

Слушай мужичокъ, поди сюда съ своею сумкою.

КРЕСТЬЯНИНЪ.

Я недостоинъ, милостивый государь, въ едакой домъ вступать.

ДОНЪ РАНУДО.

Мы всѣ люди, мнѣ жалко было видѣть то, что ты на дворѣ сидя обѣдаешь, вотъ сядь здѣсь на стулъ, такъ лучше можешъ кусокъ твой съѣсть.

КРЕСТЬЯНИНЪ.

Благодаренъ, милостивый государь.

ДОНЪ РАНУДО.

Откуда ты?

КРЕСТЬЯНИНЪ.

За четыре мили отсюда.

ДОНЪ РАНУДО.

За чѣмъ ты сюда въ городъ сего дни приходилъ?

КРЕСТЬЯНИНЪ.

Приносилъ цыплятъ на рынокъ, да продалъ.

ДОНЪ РАНУДО.

Ежели у тебя есть хорошіе жирные каплуны? такъ приноси ихъ впредь къ намъ.

КРЕСТЬЯНИНЪ.

А цыплятъ не изволите?

ДОНЪ

ДОНЪ РАНУДО.

Нѣтъ: къ цыплятамъ мы неохотники, мы любимъ больше каплуновъ, да дичину, а другаго ни чего не ѣдимъ.

КРЕСТЬЯНИНЪ.

Ето мнѣ очень дивно, потому что какъ вы, такъ и сожительница ваша горaздо въ себѣ сухи.

[*потираютъ себя оба по лицу.*]

ДОНЪ РАНУДО.

Скажи мнѣ, другъ мой, какъ тебя зовутъ?

КРЕСТЬЯНИНЪ.

Меня зовутъ Жуанъ.

ДОНЪ РАНУДО.

Въ томъ ли домѣ живешъ ты, гдѣ отецъ твой жилъ?

КРЕСТЬЯНИНЪ.

Въ томъ же.

ДОНЪ РАНУДО.

Какъ звали отца твоего?

КРЕСТЬЯНИНЪ.

Я право не помню, какъ ево звали.

ДОНЪ РАНУДО.

Ето ужасно! не помнить какъ отца звали; ето первое удовольствіе на свѣтѣ, чтобъ знать, какъ звали предковъ своихъ, и отъ кого кто родился.

КРЕСТЬЯНИНЪ.

У насъ въ деревняхъ за удовольствіе ставятъ то, чтобъ видѣть хорошо ли земля вспахана, и родится ли хлѣбъ, чѣмъ бы прожить было, и чтобъ жёны наши чаще дѣтей родили, а дѣти бы скорѣе росли, и намъ въ работѣ пособляли.

Д. РАНУДО.

То изрядно, а мы знатные люди почитаемъ себѣ за великую тягость, у кого дѣтей много, для того, что чѣмъ больше дѣтей тѣмъ больше росходу.

КРЕСТЬЯНИНЪ.

А у насъ напротивъ говорится, что больше дѣтей то больше и приходу, что больше дворянъ, то больше тунеядцовъ, а что больше крестьянъ, то больше работниковъ.

Д. РАНУДО

Ето правда, ты говоришь по Философски. Сколькихъ лѣтъ ты женился?

КРЕСТЬЯНИНЪ.

Осьмнатцати лѣтъ.

ДОНЪ РАНУДО.

Ето нѣсколько раненько! мы знатные люди такъ молоди не женимся. У наъ всегда ждутъ лѣтъ до сорока, или до пятидесять, чтобъ быть въ состоянiи такъ славно жить, какъ предки наши живали.

КРЕСТЬЯНИНЪ.

А мы женимся, какъ придемъ въ состоянiе умножать свѣтъ, и для того жены и дѣти намъ не въ тягость, что больше рукъ въ домѣ, то больше работниковъ, а когда много работниковъ, то много и пожитку въ домѣ.

ДОНЪ РАНУДО.

Онъ говоритъ весьма разумно, Донна Олимпiя, крестьянство въ етомъ случаѣ щастливо, да я думаю, что онъ того то крестьянскiя дѣти здоровы и крѣпче нашихъ дѣтей, потому что они въ лучшей порѣ родителей ихъ воспитаны бываютъ.

КРЕСТЬЯ-

КРЕСТЬЯНИНЪ.

Не погнѣвайся, милостивый государь! я думаю, что между нашей братьи меньше людей съ рогами бываетъ, нежели между господами, для того, что знатные господа, хотя ждутъ, пока въ пятьдесятъ лѣтъ придутъ, чтобъ быть въ состоянiи довольствовать своихъ домашнихъ, а о женѣ думаютъ очень мало, и потому разсуждать надобно, что госпожи одною только пищею довольствоваться должны, которое у насъ въ деревняхъ за невѣроятное почитается.

Д. РАНУДО.

Ха, ха, ха! Какъ же весело слушать крестьянскiя разсужденiя! удивляюсь только очень, что ты черной хлѣбъ одинъ съ такимъ апетитомъ ѣсть можешь.

КРЕСТЬЯНИНЪ.

О! ето сыръ да хлѣбъ мнѣ гораздо вкуснѣе, нежели господское кушанье лучшее, что можетъ быть вкуснѣе для того, что желудокъ крестьянской къ етому привыкъ.

Д. РАНУДО.

Надобно намъ все въ свѣтѣ испытать, дайка для любопытства сыруta отвѣдать, а возьлибо я могу кусочикъ съѣсть.

Д. ОЛИМПIЯ.

Ахъ Донъ Ранудо! Я думаю никакъ не льзя.

КРЕСТЬЯНИНЪ.

Извольте отвѣдать, сударь.

Д. РАНУДО.

Давай для одной только диковинки, ба! да вкусъ права не очень дуренъ.

КРЕСТЬЯНИНЪ.

Не изволите ль и вы сударыня кусокъ скушать?

Д. ОЛИМ-

Д. ОЛИМПІЯ.

Давай . . . . право изрядной вкусЪ, я еще едакЪ и хорошенькой кусокЪ сЪѣсть могу.

Д. РАНУДО.

Ха. ха, ха! Я право и еще кусокЪ сЪѣмЪ, превеликая диковинка, я никогда не думалЪ, чтобЪ ето сдѣлать могЪ, будетЪ что и внучатамЪ своимЪ мнѣ расказать, отрѣжка еще побольше кусокЪ ЖуанЪ, да дай и хлѣба та своего хорошей ломтикЪ.

[*ЖуанЪ имЪ отрѣзалЪ сыру и хлѣба, они ѣдятЪ оба очень жадно*]

Д. ОЛИМПІЯ.

Первая исторія у меня будетЪ, какЪ я ко двору пріѣду, что мы сЪ крестьяниномЪ сырЪ и хлѣбЪ ѣли.

Д. РАНУДО.

Ха, ха, ха! Дайка еще кусокЪ ЖуанЪ, я право по тѣхЪ порЪ стану ѣсть, пока хочется.

КРЕСТЬЯНИНЪ.

Я не знаю, сударь; можетЪ ли сырЪ мой то снести ежели я еще отрѣжу?

Д. РАНУДО.

Ха, ха ха! { *взялЪ самЪ сырЪ и отрѣзалЪ половину.*

На, Смотри ЖуанЪ, Видишь, что ни я, ни жена моя крестьянской пищи не презираемЪ.

[*КрестьянинЪ спряталЪ все имѣсто и чешетЪ голову.*]

Д. ОЛИМПІЯ.

Дай мнѣ еще кусокЪ! Я погляжу не можетЪ ли дочь моя етого суроваго кушанья сЪѣсть, ха, ха, ха! Право ето очень мудрено.

КРЕСТЬЯ-

КРЕСТЬЯНИНЪ.

Послѣдняго куска, что Его Высокородіе отрѣзать изволилЪ, довольно будетЪ, не только всѣмЪ отвѣдать, и до сыта наѣсться можно.

Д. РАНУДО.

Ежели опять вЪ городѣ будешЪ, то смѣло кЪ намЪ приходи.

КРЕСТЬЯНИНЪ.

Благодарствую Ваше Высокородіе, (*тихо*) таковЪ глупЪ ужЪ не буду, и сумки сЪ собою не принесу.

Д. РАНУДО.

КакЪ придешь домой ЖуанЪ, то думаю я, что ты милостію нашею хвалиться станешь.

КРЕСТЬЯНИНЪ.

И вѣдомо, сударь! А особливо ежели по милости своей мнѣ за сырЪ и за хлѣбЪ мой заплатить изволите. Сказать правду: я сЪ собою только и взялЪ было на дорогу, что изволили видѣть, а теперь и домой дойти не сЪ чемЪ.

Д. РАНУДО.

Что намЪ дать ему бѣдному, Донна Олимпія? я сего дни все серебреными деньгами принялЪ отЪ должника, а червонные всѣ роздалЪ, и такЪ теперь у меня право ни одного нѣтЪ, а серебреными деньгами дарить какЪ мнѣ, такЪ и всякому изЪ нашей фамиліи непригоже.

КРЕСТЬЯНИНЪ.

Пожалуй, я и серебреными очень доволенЪ буду, милостивый государь.

Д. РАНУДО.

НѣтЪ ЖуанЪ, етого не льзя сдѣлать; мы тѣмЪ можемЪ всей славы своей лишиться, награжденіи наши всегда либо золотомЪ либо честію бываютЪ.

КРЕСТЬЯ-

КРЕСТЬЯНИНЪ.

Однакожъ когда у Вашего Высокородія теперь золота не случилось, а у меня чести про себя столько, сколько мнѣ надобно, такъ я прошу серебреными деньгами убытокъ мой починить, чтобъ было съ чѣмъ дойти до-дому.

ДОНЪ РАНУДО.

Развѣ дать ему мѣлкихъ? Донна Олимпія, съ такимъ договоромъ, чтобъ онъ про ето никому не сказывалъ.

Д. ОЛИМПІЯ.

Нѣтъ: я до етого никогда не допущу, для того, что ето вѣчной стыдъ дому нашему будетъ.

КРЕСТЬЯНИНЪ.

Я право никому не скажу, что серебреныя деньги мнѣ пожаловали.

Д. РАНУДО.

Слушай, Жуанъ, я увѣренъ, когда придешъ ты домой, и раскажешь своей братьи крестьянамъ, что съ тобой здѣсь дѣлалось, то всѣ тебя почитать станутъ.

КРЕСТЬЯНИНЪ.

Ежели у Вашего Высокородія теперь денегъ нѣтъ, то я беру смѣлость просить, приказать мнѣ хотя что нибудь изъ поварни вашей на дорогу пожаловать, которое могу я дома своей братьи для увѣренія показать, что имѣлъ счастіе въ домѣ вашемъ быть.

Д. РАНУДО.

Я тебѣ дамъ копію съ герба моего, ты можешь то дома показать для увѣренія, что здѣсь былъ.

КРЕСТЬЯНИНЪ.

Будуль я отъ того благороденъ, когда вы меня гербомъ вашимъ пожалуете?

Д. РА-

Д. РАНУДО.

КакЪ бы да не такЪ! полно пустое то говорить.

КРЕСТЬЯНИНЪ.

Я думалЪ, что отЪ герба-то все и зависитЪ, потому что вить многіе доказываютЪ свое благородство не чемЪ инымЪ, какЪ гербами предковЪ своихЪ, а когда мнѣ то пользовать не будетЪ, то прикажите лучше что нибудь изЪ поварни своей пожаловать, чтобЪ было мнѣ чѣмЪ дорогою питаться.

Д. РАНУДО.

Буде кто вЪ томЪ сумнѣваться станетЪ, и скажетЪ, что не возможно етому статься, чтобЪ ДонЪ Рануто де КолибрадосЪ, которой происходитЪ отЪ Антонія, Простера, Алфонса, Гонзала, Ипполита, Стефана, Мустаха.

КРЕСТЬЯНИНЪ.

Ваше Благородіе!

Д. РАНУДО.

Лопеса, Мелхіора, Гусмана, Θеодосія, Теоѳраста, Феодо́ра, Карлоса, Θилиппа, Мануела, Балтазара.

КРЕСТЬЯНИНЪ,

Ваше Высокородіе!

Д. РАНУДО.

Сабастіона, Валентіана, Стемогіона, Миліора, Лопеса.

КРЕСТЬЯНИНЪ.

Ваше Высокородіе я.

Д. РАНУДО.

Каспара, Рануда, Тринкала, Фейтоза, и прочихЪ.

КРЕСТЬЯНИНЪ.

Я все таки голоденЪ милостивый государь!

Д. РА-

Д. РАНУДО.

[*показываетъ ему родословную и говоритъ.*]

и прочихъ, и прочихъ, и прочихъ.

КРЕСТЬЯНИНЪ.

Сколько бы ни было въ вашей родословной Донелiоновъ, Донъ Кишотовъ и Санхопансовъ, однакожъ мнѣ въ томъ при. - - -

Д. РАНУДО.

Буде кто, говорю я, сумнѣваться станетъ и скажетъ, что не возможно такому великому человѣку съ бѣднымъ крестьяниномъ столько милости дѣлать, то можешь ты, вотъ что показать ему. (*Женѣ*) Слушай, Донна Олимпiя, вонъ лежитъ копiя съ герба нашего, подай ее етому бѣдняку, онъ можетъ ее съ собою взять для доказательства, что здѣсь у насъ былъ.

[*Донна Олимпiя подаетъ листокъ.*]

На вотъ, Жуанъ, спрячь ево хорошенько, и смотри, чтобъ дорогою не потерять.

КРЕСТЬЯНИНЪ.

Не прикажите ли, я самъ въ поварню схожу, и человѣка вашего къ вамъ кликну?

Д. РАНУДО.

Постой, я тебѣ раскажу все, что которое значитъ въ гербѣ, въ первомъ полѣ вотъ видишъ соколъ синей, а въ другомъ вотъ леопардъ.

КРЕСТЬЯНИНЪ. [*тихо*]

Чортъ меня догадалъ сумку съ собою сюда взять, ничего бы етого вранья не было. [*въ слухъ*] Мнѣ пора домой итти сударь.

Д. РАНУДО.

Въ третьемъ вотъ четыре лилѣи.

КРЕСТЬЯНИНЪ.

Пожалуй, по мнѣ хоть бы ихъ шесть было.

Д. РАНУДО.

А вотъ въ четвертомъ мечь.

КРЕСТЬЯНИНЪ.

Да чортъ ли мнѣ и въ мечѣ вашемъ и съ лилѣями.

Д. РАНУДО.

Я тебѣ все растолкую.

КРЕСТЬЯНИНЪ.

Прошу прощенія, и благодарствую за честь ету, что [*тихо*] сыръ мой стрѣскать изволили.

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Донъ Ранудо и Донна Олимпія.

ДОНЪ РАНУДО.

Какъ же прославлять будетъ насъ онъ домой пришедши?

ДОННА ОЛИМПІЯ.

И вѣдомо, я совершенно знаю, что онъ скажетъ, какіе ето милостивые господа! иной и мужикъ спесивѣе ихъ дѣлается.

Д. РАНУДО.

Да не будетъ ли чести нашей какого нибудь въ томъ урону, что мы етому крестьянину столько милости сдѣлали?

Д. ОЛИМПІЯ.

Нѣтъ ничего, Донъ Ранудо, мы не потеряемъ тѣмъ чести нашей ничего, я не много о томъ думаю. Вить отъ етого не стану я тѣхъ терпѣть,

кои

кои захотятъ то быть, что они не есть. Кресьяне вить не больше о себѣ думаютъ, какъ только что крестьяне, и честь, которую имъ дѣлаютъ, почитаютъ они за милость. А есть нѣкоторые люди, какъ напримѣръ, господинъ: ты самъ знаешь, кто дѣлается благороднымъ, а всякъ видитъ, какъ подлость-та изъ него выглядываетъ, какъ бы онъ ее ни пряталъ; съ такими людьми всегда такъ бываетъ, какъ съ однимъ лакеемъ, о которомъ сказываютъ, что онъ очень много денегъ выигралъ, и тѣмъ сталъ господиномъ; сдѣлалъ себѣ великой штатъ и богатый екипажъ, а самъ въ одну пору такъ забылся; что вмѣсто того, чтобъ въ карету сѣсть, заторопясь сталъ на запятки; такъ вмѣняютъ и тѣхъ людей, о которыхъ я говорю; частыя подлыя ихъ ухватки для того, что они имъ сродны, мнѣ смертельно досадно видѣть госпожу. Вить ты знаешь, о комъ я думаю, какъ она въ каретѣ ѣдетъ, и искривя голову сидитъ. Какой меланхоличной видъ дѣлаетъ, и неудовольствіе въ ней издали видѣть можно, и что мужъ у ней не самымъ первымъ человѣкомъ на свѣтѣ, а сама не вспомнитъ какъ мать ее въ Севиліи на рынкѣ ягоды продавала, а про бабушку и подумать не хочетъ, такъ какъ и господинъ тотъ, не говоритъ никогда про своихъ отца съ матерью; право я не могу едакой подлости терпѣть Донъ Ранудо.

Д. РАНУДО.

Ну! полно свѣтъ мой сердиться, вить это труда не стоитъ.

Д. ОЛИМПІЯ.

Ежели они осмѣлются хоть однова ко мнѣ въ гости пріѣхать, право заставлю ихъ цѣлой часъ на дворѣ дожидаться, по чести тебѣ клянусь, къ стати ли это, что они. . .

[*Падаетъ съ сердца въ обморокъ.*]

Д. РА-

Д. РАНУДО.

Вотъ, вить я говорилъ, что дурно будетъ, о ежели бы было что теперь ей понюхать, да вотъ развѣ сыръ, а восьлибо пройдетъ.

Д. ОЛИМПІЯ.

Я тебѣ сказываю, Донъ Ранудо, что они цѣлой часъ принуждены будутъ на дворѣ стоять, больше я объ нихъ ничего не думаю. Я почитаю ихъ не лучше етого куска сыру, что у тебя въ рукахъ.

[*говоря то взяла сыръ у него изъ рукъ и сѣла.*]

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

Тѣжъ и Педро.

ПЕДРО.

Теперь ужъ все пойдетъ къ чорту. Заимодавцы пришли съ разсыльщикомъ, берутъ все что въ домѣ ни нашли.

Д. РАНУДО.

А гдѣ они?

ПЕДРО.

Вошли ужъ въ переднюю.

Д. РАНУДО.

Пойдемъ къ нимъ.

ЯВЛЕНІЕ СЕДЬМОЕ.

Тѣжъ и Разсыльщикъ.

РАЗСЫЛЬЩИКЪ.

[*дѣлаетъ низкой поклонъ.*]

Всепокорнѣйше прошу о прощеніи, Ваше Высокородіе, что я съ такою дерзостію сюда пришелъ, я бѣдной разсыльщикъ, которой подъ потеряніемъ чина своего повелѣніе господъ судящихъ исполнять долженъ.

Д. РА-

Д. РАНУДО.

А за чѣмъ ты сюда присланъ?

РАЗСЫЛЬЩИКЪ.

Мнѣ велѣно въ домъ Вашего Высокородія конфисковать все, что ни сыщу, даже и до высокопочтеннаго платья вашего, которое теперь на себѣ имѣть изволите.

Д. РАНУДО.

Я не думаю, чтобъ со мной такъ какъ съ подлымъ мѣщаниномъ поступлено было.

РАЗСЫЛЬЩИКЪ.

Не должно было такъ быть, да бѣда законъ, которой не дѣлаетъ разницы въ людяхъ, ежели о деньгахъ дѣло идетъ.

Д. РАНУДО.

Одумайтесь! что хотите дѣлать господинъ мой?

РАЗСЫЛЬЩИКЪ.

Я довольно въ томъ размышлялъ, посланные со мною товарищи ужѐ все обобрали, что въ другихъ горницахъ нашли, однакожъ все то, когда гораздо меньше стоитъ того, что Ваше Высокородіе должны, такъ я беру смѣлость до платья Вашего Высокородія коснуться, и прошу всепокорнѣйше то за противно не причесть.

Д. РАНУДО.

Кому ето не будетъ противно! вы не можете сыскать никакой причины къ оправданію вашихъ поступокъ.

РАЗСЫЛЬЩИКЪ.

Время не позволяетъ мнѣ теперь объ околичностяхъ разсуждать: а хочу только продолжая учти-

вость мою къ Вашему Высокородію, исподнее платье на васъ оставить.

Д. РАНУДО.

Ужасная учтивость!

РАЗСЫЛЬЩИКЪ.

Конечно я знаю, кому какое почтеніе дѣлать должно.

[снимаетъ съ него кафтанъ и дѣлаетъ три поклона низкіе.]

Д. РАНУДО.

О! небо! въ какихъ временахъ мы живемъ.

РАЗСЫЛЬЩИКЪ.

Теперь должно мнѣ къ вамъ приступить, милостивая государыня.

Д. ОЛИМПІЯ.

Проступокъ етотъ головы стоитъ, чтобъ предъ такою, думаю, какъ я, невѣжничать, одумайся лучше.

РАЗСЫЛЬЩИКЪ.

Свидѣтельствуюсь всѣмъ на свѣтѣ, сколь трогаетъ меня то, что я повеленное мнѣ надъ Вашимъ Высокородіемъ исполнить долженъ, однакожъ я вить только неповинной инструментъ, которой господа присутствующіе употребляютъ.

Д. ОЛИМПІЯ.

Скажи всему магистрату, что онъ за ето публично штрафованъ будетъ.

РАЗСЫЛЬЩИКЪ.

Я не премину приказъ Вашего Высокородія покорнѣйше донесть, и притомъ беру смѣлость платье Ваше на щетъ должниковъ снять.

[снимаетъ платье и цѣлуетъ съ учтивостію оставшую на ней юпку.]

Д. ОЛИМ-

Д. ОЛИМПІЯ.

О! Боже мой! умираю со стыда!

Д. РАНУДО.

[*съ табакеркою цъ рукахъ.*]

Донна Олимпія, намъ надобно быть великодушными и все презирать, чтобъ доказать то, что сердца наши сколь благородны, столь и великодушны. Государь мой, намъ ето не досадно, не изволишь ли табаку понюхать.

РАЗСЫЛЬЩИКЪ.

Ежели смѣю доложить, собственнаяль Вашего Высокородія ета табакерка?

Д. РАНУДО.

Моя, а чтожъ?

РАЗСЫЛЬЩИКЪ.

Когда ваша, такъ я прошу на меня не погнѣваться, что и ее также на щотъ приму, я вижу, что мнѣ теперь здѣсь больше дѣлать нѣчего: не имѣете ли Ваше Высокородіе еще чего приказать.

[*поклонясь три раза очень низко отходитъ.*]

ПЕДРО.

Табакерку можно бы было вамъ у себя удержать.

Д. РАНУДО.

Быть такъ Педро, пойдемъ отсюда!

ПЕДРО.

Едакой бездѣльникъ! онъ знать учился учтивымъ образомъ съ людей кожу сдирать, да знать еще онъ не ушолъ со двора, то онъ конечно вездѣ хочетъ перешарить, мнѣ надобно свои крохи куда нибудь спрятать, а то онъ ничему не спуститъ.

КОНЕЦЪ
ТРЕТЬЯГО ДѢЙСТВІЯ.



ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Леонора и Изабелла.

ЛЕОНОРА.

Е Ну, сударыня, каково кажется брату вашему наше намѣреніе?

ИЗАБЕЛЛА.

Онъ очень тѣмъ доволенъ, и я наипаче сказать могу, какъ то, что етотъ лучшей способъ.

ЛЕОНОРА.

Онъ будетъ у насъ сынъ Царя Арабскаго, и назовемъ его Теофрасто Бамбасто, Принцъ Еѳіопскій.

ИЗАБЕЛЛА.

Знатное имя! я думаю, что одно только слово Бамбасто, можетъ господъ твоихъ удовольствовать, и принудить дочь за него отдать; однакожъ не удивительноль будетъ нѣсколько Еѳіопскимъ принцомъ называться? Мнѣ кажется вымыслъ етотъ нѣчто отважнымъ, да и на то похожъ какъ въ комедіи называемой мѣщанинъ въ дворянствѣ, обманутъ былъ одинъ купецъ, тѣмъ что будто Принцъ Турецкаго

Султана

Султана пріѣхалъ въ Парижъ жениться на дочерѣ того купца.

ЛЕОНОРА.

Нѣтъ, сударыня; сколь нескладенъ въ той комедіи етотъ вымыселъ, столь напротивъ нашъ очень способенъ быть можетъ, потому, что для обману купца Турецкому Принцу не къ стати было пріѣзжать изъ Азіи въ Европу въ провожаніи великаго Муфтія и многихъ духовныхъ, и жениться на посадской дѣвкѣ въ Парижѣ. Ето вить также не вѣроятно какъ и то, что нѣкогда одинъ назвалъ себя посланникомъ изъ луны, которой будто присланъ былъ сватать докторскую дочь за его государя; а здѣсь пріѣдетъ христіанской Принцъ изъ Африки въ Гишпанію, и скажется, что онъ Каѳолической законъ принялъ, какихъ и много въ Еѳіопіи есть, и что онъ ищетъ невѣсты и столь знатной Гишпанской фамиліи, какъ Колибрадосъ; по чему никакого инаго сумнѣнія быть не можетъ, какъ только развѣ, что онъ чоренъ, однакожъ ето такая вещь, которая до невѣстъ лишь только принадлежитъ. Вить вы знаете, что господа мои никакую фамилію противъ себя не почитаютъ.

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Тѣжъ и Педро.

ПЕДРО.

А! Леонора!

ЛЕОНОРА.

Что такое?

ПЕДРО.

Ступай скорѣе, тебя запечатать надобно, также какъ и прочую домовую рухлядь.

ЛЕОНОРА.

Запечатать! что ето значитЪ?

ПЕДРО.

Ето значитЪ то, что на тебя клеймо положатЪ; у насЪ вЪ домѣ теперь великая сумятица, нѣтЪ ни одного сундука, которой бы не былЪ запечатанЪ, все, что ни есть мочно было унесено, и послѣднее платье сЪ господЪ содрали, да взяли за долги.

ЛЕОНОРА.

ЧортЪ ихЪ всѣхЪ побери, платье мое все что ни есть, было у меня прежде, нежели я сюда вЪ домЪ пришла.

ПЕДРО.

Ето не поможетЪ, я хотѣлЪ было также отговориться, однакожЪ того не слушаютЪ, разсыльщики побрали всѣ мои пожитченки что ни было, а меня только тѣмЪ утѣшили, чтобЪ я убытки свои на господахЪ искалЪ.

ЛЕОНОРА.

Изрядное утѣшеніе!

ПЕДРО.

Они и о служанкѣ спросили, однакожЪ я столько былЪ честенЪ, и сказалЪ, что тебя дома нѣтЪ, и просилЪ, чтобЪ они часЪ мѣста подождали, а ты между тѣмЪ придешЪ.

ЛЕОНОРА.

Смотри пожалуй какой честной человѣкЪ!

ПЕДРО.

Они бы и твои пожитки попрятали, ежелибЪ не я.

ЛЕОНОРА.

У меня конечно такого ничего нѣтъ, чтобы запирать надобно было, пускай ихъ берутъ что хотятъ, однакожъ что теперь господа наши дѣлаютъ?

ПЕДРО.

Все таковыжъ спесивы, хотя почти и до-нага раздѣты, я не знаю, естьли полно что нибудь теперь въ домѣ, чѣмъ бы имъ одѣться было кромѣ старой черной епаньчи.

ЛЕОНОРА.

У меня слезы идутъ слышавши ето.

ИЗАБЕЛЛА.

Добро, полно Леонора, не бойсь, будетъ все изрядно.

ПЕДРО.

Какое изрядно, чемужъ ужъ доброму быть?

ИЗАБЕЛЛА.

Ты вить знаешъ, какъ мы уговорились, вотъ Гусманъ идетъ!

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТІЕ.

Тѣжъ и Гусманъ.

ГУСМАНЪ.

[*не видя ихъ*]

Чортъ васъ всѣхъ побери мошенники, развѣ хочется вамъ съ меня кожу содрать? да въ ней нужды вамъ нѣтъ; буде платье мое ограбить хочется, такъ оно и все шелега не стоитъ; а ежели пажеской титулъ вамъ понравился, такъ вы мнѣ великую сдѣлаете услугу, ежели возмете его; потому, что я еще счастливѣе быть могу, когда пойду къ кому другому въ домъ хоть въ поваренные

ные работники, и охотнѣе стану на вертѣлѣ жареное вертѣть, гдѣ конечно лучше сытъ буду, не будешъ же вамъ и въ томъ прибыли, бездѣльники, что вы и съ господами такъ поступили. Сперьва побрали они, что ни нашли въ домѣ: а потомъ и до самихъ господъ добрались. Напередъ снялъ съ господина шляпу съ головы, потомъ кафтанъ, а тамъ ужѐ съ позволенія сказать, и галстукъ съ шѐи: и такъ на немъ ничего кромѣ штановъ и башмаковъ не осталось, однимъ словомъ не покинули ничего больше, чѣмъ бы ему одѣться, какъ только епанчу печальную старую. Ея надѣлъ онъ на себя, и похожъ въ ней на самого чѐрта, однакожъ великодушенъ еще притомъ очень, сказалъ мнѣ, слушай Гусманъ, при всемъ нашемъ несчастіи родословная та наша у меня осталась.

ЛЕОНОРА.

Нѣтъ ли чего новаго, Гусманъ?

ГУСМАНЪ.

Скоро все новое будетъ, для того, что старое-то все къ чорту пошло. Ба! да вотъ госпожа изволитъ итти.

ИЗАБЕЛЛА.

Такъ я пойду отсель.

[*отходитъ.*]

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Донна Олимпія, Леонора, Педро и Гусманъ.

Д. ОЛИМПІЯ.

Ахъ! сердце мое съ досады рвется! какая неслыханная безстыдность! какая ужасная дерзость! я должна отмстить, хотя бы мнѣ то и жизни стоило.

ГУСМАНЪ.

ТУСМАНЪ.

[тихо]

Да ето давно намЪ пророчествовали.

Д. ОЛИМПІЯ.

КакЪ о томЪ ни вспомню, кипитЪ во всѣхЪ жилахЪ моихЪ благородная кровь.

ПЕДРО.

Вить чему нибудь вЪ домѣ да надобножЪ кипѣть, для того, что вЪ котлѣ у насЪ давно ужЪ ничего не кипѣло.

Д. ОЛИМПІЯ.

Мнѣ пришло умереть.

ПЕДРО.

[тихо]

ОднакожЪ право не отЪ излишняго кушанья.

Д. ОЛИМПІЯ.

Развѣ люди забыли, кто я?

ПЕДРО.

[тихо]

То то и бѣда! что помнютЪ, а наипаче послѣднѣе, то могло бы уцѣлѣть, что было осталось.

Д. ОЛИМПІЯ.

Гдѣ дѣлись люди мои? мнѣ надобно бы сЪ ними посовѣтовать, что намЪ теперь дѣлать?

ЛЕОНОРА.

Мы всѣ здѣсь, что изволите приказать? Ваше Высокородіе!

Д. ОЛИМПІЯ.

О! Леонора! ты мнѣ всегда вѣрна бывала.

ЛЕОНОРА.

Я не больше дѣлала, какЪ только что должность моя требуетЪ.

Д. ОЛИМ-

Д. ОЛИМПІЯ.

Знаешъ ли ты, Леонора, какое несчастіе и ругательство со мною сдѣлалось?

ЛЕОНОРА.

Все по несчастію извѣстно мнѣ, сударыня.

Д. ОЛИМПІЯ.

Какъ такъ скоро стало ето извѣстно?

ЛЕОНОРА.

Да какъ не быть намъ извѣстно: вить всѣхъ насъ несчастіе то тронуло.

Д. ОЛИМПІЯ.

То то вѣрные слуги! что въ поношеніи господъ своихъ участіе имѣютъ.

ЛЕОНОРА.

Стыдъ не такъ великъ какъ убытокъ.

Д. ОЛИМПІЯ.

Такъ по етому ты не знаешь, что съ нами сдѣлалось?

ЛЕОНОРА.

Какъ не знать что разсылщики : : : : :

Д. ОЛИМПІЯ.

Ето бы даромъ: есть другое гораздо важнѣе, лишъ только разсылщики ушли, вошла ко мнѣ въ комнату безъ докладу одна служанка, и съ превеликою смѣлостію стала говорить. Господа мои приказали вамъ поклониться; жаль имъ очень, что съ вами такое несчастіе сдѣлалось, и для того приказали просить, чтобъ Ваше Высокородіе, вотъ ето штофное платье, которое и двухъ разъ надѣвано не было, принять не отказали. Ахъ! отъ горести и досады не могу я больше и говорить.

[*она уходитъ и Гусманъ за нею*]

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Донъ Ранудо, Леонора и Педро.

[Донъ Ранудо обернутъ въ черную епанчу: Леонора и Педро увидя его испужались и стали на колѣни.]

Д. РАНУДО.

О робятки! почтеніе ето очень велико: я вить еще не святой, хоть и знатной господинъ; однакожъ человѣкъ, и для того требую, чтобъ передо мною для почтенія на колѣни не становились.

ПЕДРО.

А! ето Ваше Высокородіе?

Д. РАНУДО.

Вить ты видишь. Встаньте, я не желаю отъ людей своихъ такого почтенія.

ПЕДРО.

Я побожиться готовъ, что не изъ почтенія ето сдѣлалось; а вы намъ право чортомъ показались.

Д. РАНУДО.

Вотъ на! ето отъ чорной-то епанчи моей, однакожъ я клянусь, что ето имъ не пройдетъ; что сего дни со мною сдѣлано: заимодавцы должны съ женами ихъ и дѣтьми искоренены быть. Что ты думаешь? вить за едакой проступокъ надлежитъ ихъ всего имѣнія лишить, да и городъ весь привиллегію свою за то потеряетъ.

ПЕДРО.

Ахъ, милостивый государь! я прошу ужъ хотя города-то не разорять, чемъ другіе добрые люди въ томъ виноваты?

Д. РАНУДО.

ВЪ едакихЪ случаяхЪ Педро и правыхЪ виноватыми ставятЪ.

ПЕДРО.

ОднакожЪ ежели едакой великой человѣкЪ, какЪ Ваше Высокородіе, о городѣ-то слово замолвитЪ, такЪ можетЪ вить онЪ и помилованЪ быть.

Д. РАНУДО.

Добро Педро! ежели до того придетЪ, то я посмотрю, что можно будетЪ сдѣлать.

ПЕДРО.

Весь городЪ благодарить васЪ будетЪ.

Д. РАНУДО.

Слушай Педро! чья ето женщина была передо мною сЪ вами здѣсь и побѣжала вонЪ?

ЛЕОНОРА.

Ето служанка изЪ Принцовой свиты, которой недавно сюда пріѣхалЪ.

Д. РАНУДО.

Какой ето ПринцЪ?

ЛЕОНОРА.

ОнЪ называется Теофрасто Бомбасто ПринцЪ Евіонскій.

Д. РАНУДО.

Статное ето дѣло? да почему она вамЪ знакома?

ЛЕОНОРА.

Она ко мнѣ вЪ гости приходила для того, что государыня ихЪ, мать етого Принца, а Королевская сестра на-крѣпко ей приказывала, чтобЪ она ни сЪ кѣмЪ здѣсь знакомства не дѣлала, какЪ только что сЪ служителями нашего дому.

Д. РАНУ-

Д. РАНУДО.

Ето мнѣ очень пріятно, я вижу, что они амбицію имѣютъ, да правду сказать, и не съ кѣмъ ей здѣсь въ городѣ имѣть знакомства.

ЛЕОНОРА.

Тутъ есть еще важность: сколько я примѣтить могла, потому что служанка почти проговорилась, что етотъ Принцъ за тѣмъ только сюда и пріѣхалъ, чтобъ жениться на вашей Доннѣ Маріи, а онъ очень знатной крови: она сказывала, что будто происхожденіе его отъ Саѳской Царицы.

Д. РАНУДО.

Не въ правду ли Леонора? позови сюда госпожу скорѣе, надобно и ей объ етомъ дать знать, вить ето не шутка, да вотъ она и сама идетъ.

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

Тѣжъ и Донна Олимпія.

Д. ОЛИМПІЯ.

Ахъ, Донъ Ранудо! и мнѣ стыдно право въ такомъ подломъ платьѣ показаться!

ЛЕОНОРА.

[*тихо*]

Ето право мое старое платье на ней.

ДОНЪ РАНУДО.

Не печалься Донна Олимпія! одинъ великій Принцъ пріѣхалъ сюда, и хочетъ на дочери нашей жениться.

Д. ОЛИМПІЯ.

Можетъ быть ето изъ какой нибудь новой фамиліи.

Д. РАНУДО.

Нѣтъ! изъ самыхъ древнихъ на свѣтѣ; Принцъ Ѳеіопскій, Леонора знаетъ, какъ его зовутъ.

ЛЕОНОРА.

Онъ называется Теофрасто Бомбасто, Принцъ Ѳеіопскій.

Д. ОЛИМПІЯ.

Статное дѣло?

ЛЕОНОРА.

Я думаю, что вы конечно сего дни отъ него визитъ имѣть будете, одно только, въ чемъ я нѣсколько опасна, что Донна Марія, можетъ быть, не захочетъ за него итти, для того, что онъ оченъ чоренъ.

Д. ОЛИМПІЯ.

Ето даромъ, лишъ бы онъ только знатной природы былъ, о какое великое щастіе!

Д. РАНУДО.

Да какъ мнѣ такого великаго Принца въ теперешнемъ жалкомъ состояніи принять; слушай Педро! одинъ чужестранный Принцъ сюда пріѣхалъ на дочери моей жениться, а Принцъ етотъ Арапскій.

ПЕДРО.

Полно, сударь, не ужъ ли вы въ правду хотите дочь вашу за Татарина отдать.

Д. РАНУДО.

Ето даромъ, она тѣмъ придетъ въ великую знатность, да гдѣ мнѣ платья взять?

ПЕДРО.

Постойте на часъ, милостивый государь! я тотчасъ вамъ платье достану, я хотя на свое имя займу.

Д. РАНУ-

Д. РАНУДО.

О другъ мой! пожалуй постарайся поскорѣе достать.

ПЕДРО.

Я тотчасъ збѣгаю.

[отходитъ.]

Д. РАНУДО.

Мнѣ кажется нѣчто стучатъ за дверьми.

Д. ОЛИМПІЯ.

Леонора, побѣги, да послушай что тамъ?

ЛЕОНОРА.

Ахъ! ето переводчикъ Принцовъ пришелъ, и желаетъ Ваше Высокородіе видѣть.

Д. РАНУДО.

Не въ правду ли? какъ намъ теперь быть, скажи Леонора, что насъ дома нѣтъ.

Д. ОЛИМПІЯ.

Нѣтъ, ето очень дурно, и опасно посланному отъ такого великаго человѣка отказать, намъ надобно другое что нибудь вздумать.

Д. РАНУДО.

Нѣтъ другаго способа, мнѣ никакъ не льзя въ етомъ состояніи показаться.

ЛЕОНОРА.

Мнѣ пришло на умъ, чѣмъ помо́чь можно Ваше Высокородіе! Можете больнымъ притвориться, и сказать, что Докторъ велѣлъ въ такую епанчу одѣться для того, что она въ себѣ постническое лекарство имѣетъ къ пользѣ болѣзни вашей.

Д. РАНУДО.

Нѣтъ, ето дурно.

ЛЕОНОРА.

Или другой способъ: вы можете притвориться, что будто говѣете, а по обѣщанію ету епанчу на себя надѣли.

Д. РАНУДО.

Вотъ ето живетъ, Леонора, позови его сюда.

ЯВЛЕНІЕ СЕДЬМОЕ.

Тѣжъ и Переводчикъ.

ЛЕОНОРА.

[*переводчику.*]

Государь мой! не извольте дивиться, что видите господъ моихъ въ такомъ состояніи: Его Высокородіе Донъ Ранудо сколь знатной и великой человѣкъ здѣсь въ городѣ, столь напротивъ того и богобоязливъ. Онъ смирилъ себя по примѣру Навуходоносорову такъ, что больше на дикаго звѣря, нежели на человѣка похожъ, и взялъ намѣреніе тѣло свое четырнатцать дней изнурять и мучить; прежде желалъ было босикомъ ходить, однакожъ етого труда показалось ему не довольно, и для того вздумалъ Навуходоносору послѣдовать, отъ котораго онъ, какъ думаю, происхожденіе свое имѣетъ, потому что его фамилія самая знатнѣйшая во всей Испаніи: онъ хотѣлъ было еще также, какъ Навуходоносоръ на рукахъ и на ногахъ ползать, да мы всѣ со слезами стали его просить ето оставить, однакоже то не помогло бы нимало, ежели бы не здѣшнее духовенство на другое обѣщаніе его уговорило.

ПЕРЕВОДЧИКЪ.

По етому вижу я, Донъ Ранудо, что въ фамиліи Колибрадосъ не только что великіе люди, но и святые есть.

Д. РАНУ-

Д. РАНУДО.

Охъ другъ мой! далеко еще до того, чтобъ мнѣ святымъ быть, я почитаю себя больше грѣшникомъ, нежели; конечно великаго наказанія достоинъ за грѣхи мои.

ПЕРЕВОДЧИКЪ.

Ето признаніе больше доказываетъ васъ праведникомъ потому, что когда святой подумаетъ то, что онъ святъ, не будетъ ужъ во святыхъ. Да гдѣжъ Донна Олимпія ваша супруга?

Д. РАНУДО.

Я видѣлъ третьяго дни очень дурной сонъ, въ которомъ впалъ въ великой грѣхъ, и для того положилъ на себя ето обѣщаніе.

ПЕРЕВОДЧИКЪ.

И за ето одно заслужили вы себѣ мѣсто въ раю, однакожъ время мнѣ причину прихода моего открыть: я присланъ увѣдомить васъ о прибытіи сюда въ городъ Его Свѣтлости Государя моего Свѣтлѣйшаго Принца Абисинійскаго, однакожъ не ета главная моя причина; я имѣю высокое повелѣніе отъ моего Государя предложить вамъ о супружествѣ Его Свѣтлости съ вашею любезною дочерью.

Д. РАНУДО.

Ето предложеніе дѣлаетъ намъ великую честь, однакожъ смѣю ль я Вашего Высокопревосходительства спросить, отъ чего Принцъ на такія мысли пришелъ.

ПЕРЕВОДЧИКЪ.

Причина, для которой Его Свѣтлость такой дальней путь принять изволилъ, есть то въ Еѳіопіи или Абисиніи, какъ Король такъ и подданные всѣ въ Христіанскомъ законѣ, хотя съ нѣкоторою съ Католиками разностію: чего ради многіе Португальскіе Іезуиты туда посланы, чтобъ Абисинію привесть

весть въ послушаніе Папежское чрезъ старание и проповѣди тѣхъ святыхъ отецъ. Принцъ, Государь мой, такъ тронутъ и доказанъ, что онъ отъ всѣхъ теперь за лучшаго Католика почитается; о чемъ извѣстенъ будучи Король нашъ, дядя Его Свѣтлости, и по прозьбѣ его позволилъ искать себѣ невѣсты въ Испаніи или въ Италіи. И такъ онъ со мною, какъ съ природнымъ Испанцомъ, о томъ совѣтовалъ и спрашивалъ у меня о знатнѣйшихъ Испанскихъ фамиліяхъ; почему я Его Свѣтлости предложилъ вашу, такъ какъ первѣйшую фамилію здѣсь во всей Испаніи, да и во всей Европѣ; а для того говорю, Европѣ только, что въ Абисиніи гораздо старѣе здѣшнихъ фамилій есть, и Его Свѣтлость можетъ доказать происхожденіе свое отъ Сафской Царицы.

Д. РАНУДО.

Моя родословная и еще далеко простирается.

ЛЕОНОРА.

Ваше Высокородіе! можетъ быть не изволите ль знать, я слышала, какъ ученые люди объ васъ говорили между собою: они сказываютъ, что будто Колибрадосы происходятъ отъ сыновъ Ноевыхъ: Сима, Хама и Афета по прямой линіи.

Д. РАНУДО.

Можетъ быть: однакожъ древнія поколѣнія не очень ясны.

ПЕРЕВОДЧИКЪ.

Я нималаго сомнѣнія не имѣлъ жениться на моей женѣ, которая имя Беликонъ Комтраола имѣетъ, есть оберъ портомоя Королевская, которое въ Абисиніи знатнымъ госпожамъ дается. Вашему Высокородію безъ сомнѣнія извѣстно, что всякое государство свой обычай имѣетъ, а что всего мудренѣя для чужестранныхъ въ Абисиніи покажется,

такъ,

такЪ, что ихЪ языкЪ, которой по большой части пѣніемЪ, нежели разговорами, назвать можно. На примѣрЪ: ежели я скажу слово *табунини*, просто жЪ низкимЪ тономЪ, такЪ ето значить будетЪ столЪ, *табурниси* еще повыше, значить церковь, *тагуниси* еще повыше, значить будетЪ слонЪ.

Д. РАНУДО.

Ето очень куріозно, дочери моей етого искать долго не выучиться будетЪ.

ПЕРЕВОДЧИКЪ.

ЧрезЪ годЪ такЪ станетЪ она говорить, какЪ природная Еѳіопка.

Д. РАНУДО.

Я опасенЪ, лишЪ только что она . . . Во которой Бабисиніи бываетЪ сіять не можетЪ.

ПЕРЕВОДЧИКЪ.

ВЪ той провинціи, гдѣ Король резиденцію свою имѣетЪ, воздухЪ очень умѣренной; а есть у него подданные, что подЪ горячею линѣею живутЪ, которые такЪ горячи, что ими сѣру зажигать можно, и буде имЪ случиться ѣсть варить, то лишЪ дохнутЪ на дрова, такЪ и огонь тотчасЪ готовЪ.

Д. РАНУДО.

Ето нѣчто удивительное.

ПЕРЕВОДЧИКЪ.

Много есть удивительныхЪ вещей, надобно еще напомнить: вамЪ должно, государь мой, сЪ открытою головою говорить сЪ Его Свѣтлостію ПринцомЪ нашимЪ и поклониться прежде, для того, что ето чѣсти требуетЪ. [ОнЪ непремѣнно отЪ всякаго подданнаго, кто не Королевской крови . . .

Д. РАНУДО.

НѣтЪ, я етого никогда не сдѣлаю: какЪ етому статься, чтобЪ КолибрадосЪ, знатнѣйшій Вельможа

Испанской, которой право имѣетъ съ Королемъ Испанскимъ съ покрытою головою говорить, открылъ голову предъ чужестраннымъ Принцомъ.

ЛЕОНОРА.

[*тихо*]

Куда къ чорту ето знать, прямо по Испански будетъ. Ни шапки, ни шляпы нѣтъ, а еще думаешь не снимать шляпы.

ПЕРЕВОДЧИКЪ.

Такъ я вижу, что ничему не бывать, для того, что Его Свѣтлость не согласится ни на какой разговоръ, ежели чести его какой ущербъ будетъ потерянъ.

Д. РАНУДО.

Мнѣ очень жаль такого знатнаго зятя лишиться; однакожъ я лучше хочу въ бѣдности умереть, нежели хоть малое что сдѣлать противъ моей чести.

ЛЕОНОРА.

[*тихо*]

Вотъ и ето прямо по Испански.

Д. ОЛИМПІЯ.

Ежели Донъ Рануло на ето согласится, то я во-все съ нимъ разведусь.

Д. РАНУДО.

Слова твои Донна Олимпія! должны золотыми литерами въ залѣ написаны быть.

ЛЕОНОРА.

[*тихо*]

Нѣтъ! развѣ въ другомъ мѣстѣ.

ПЕРЕВОДЧИКЪ.

По етому вижу я, что Его Свѣтлость, Принцъ мой, не исполня желанія своего, отсюда отъѣхать принужденъ будетъ.

Д. РА-

Д. РАНУДО.

Етого мнѣ очень жаль будетъ; однакожъ мнѣ никакъ на то не льзя согласиться, хотя бы то и жизни моей стоило.

Д. ОЛИМПІЯ.

Честолюбіе и благородная амбиція рождены съ вами, и еще съ матернимъ молокомъ влиты.

ЛЕОНОРА.

[тихо]

Ето ужъ и черезчуръ по Испански.

Д. РАНУДО.

Дочь моя пускай лучше въ монастырь идетъ.

ЛЕОНОРА.

[тихо]

А васъ бы обѣихъ съ бѣшеными запереть.

ПЕРЕВОДЧИКЪ.

Такъ по етому мнѣ здѣсь дѣлать нѣчего: я пойду донесть Его Свѣтлости отказанной отвѣтъ.

[отходитъ.]

Д. РАНУДО.

Какъ тебѣ кажется Леонора! развѣ мы не хорошо за честь свою стоимъ.

ЛЕОНОРА.

Стойте вы, кажется, изрядно, да то дурно, что честь-то у васъ изъ подъ ногъ выскакиваетъ, и что вы честію и почтеніемъ называете, то другіе за безчестье и стыдъ почитаютъ: гордость ваша такъ умножается, что со временемъ изрядную матерію для комедіи сдѣлаетъ.

Д. РАНУДО.

Слушай Леонора! за твою долговременную и вѣрную службу, надобно нѣсколько сквозь пальцы на тебя смотрѣть.

ЛЕОНОРА.

ЛЕОНОРА.

Ваше Высокородіе! говорить мнѣ вить не закажите, для того, что я четыре года служа у васъ, очень мало сѣла, а про жалованье и не слыхивала.

ЯВЛЕНІЕ ОСМОЕ.

Тѣжъ и Педро.

ПЕДРО.

Вотъ изволь сударь! я принесъ кафтанъ, за который принужденъ былъ всю свою честь въ закладъ положить, что чрезъ три дни назадъ отданъ будетъ.

Д. РАНУДО.

Ужъ поздо Педро! переводчикъ Принцовъ теперь здѣсь былъ, да ни съ чемъ домой пошелъ, и не льзя свадьбѣ у насъ быть.

Д. ОЛИМПІЯ.

А вось либо еще и будетъ, по чему намъ знать, что Принцъ отъ требованія своего не отступитъ, можетъ быть, что и еще пришлетъ. Пойдемъ между тѣмъ, и ты кафтанъ надѣнешь.

[*Донъ Ранудо и она отходитъ.*]

ПЕДРО.

Для чего они раздумали?

ЛЕОНОРА.

Господину нашему не хочется съ открытою головою съ Принцомъ говорить.

ПЕДРО.

Да что жъ намъ въ томъ нужды?

ЛЕОНОРА.

Для того, чтобы они лучше вѣрили, что это подлинно Принцъ. Дай срокъ, все будетъ изрядно, нашъ

нашъ Принцъ, можетъ вить, требованія своего нѣсколько и убавитъ: да вотъ господинъ опять идетъ нарядясь въ чужой кафтанъ.

Д. РАНУДО.

Нѣтъ; я не думаю, чтобъ мнѣ можно было на то согласиться, хотя и бѣдность наша велика.

Д. ОЛИМПІЯ.

Что за бѣдность? подлые лишъ это говорятъ. Люди такого состоянія, какъ мы, не могутъ быть бѣдны.

ПЕДРО.

А какъ съ голоду Вашему Высокородію умереть случится, то какъ это прямо по Испански назвать надобно будетъ.

Д. ОЛИМПІЯ.

Съ голоду умереть, называется это не отъ бѣдности умереть, а геройскою смертію: благороднымъ людямъ должно лучше едакою геройскою смертію умереть, нежели въ чемъ нибудь себя унизить.

ПЕДРО.

Да! я опасенъ, чтобъ покойные не сдѣлали надъ гробомъ вашимъ едакой надписи: здѣсь почиваютъ Донъ Ранудо съ Высокородною своею супругою, скончались они оба съ голоду, упреждая рокъ злѣйшей бѣдности. Ба! да вотъ никакъ давешней опять идетъ.

ЯВЛЕНІЕ ДЕВЯТОЕ.

Тѣжъ и Переводчикъ.

ПЕРЕВОДЧИКЪ.

Его Свѣтлость, мой Государь! ни мало не прогнѣвался, что ваше Высокородіе упорность свою оказали, а удивляется еще и почитаетъ васъ больше, не-

нежели прежде, и для того оставляетъ на вашу волю, изволите ли вы то почтеніе Его Свѣтлости сдѣлать или нѣтъ.

Д. РАНУДО.

Ежели Принцъ того въ требованіе свое не включаетъ такъ, какъ и не должно, то я добровольно лучше ето сдѣлаю.

Д. ОЛИМПІЯ.

Что?

Д. РАНУДО.

Добро Донна Олимпія! мы можемъ тому почтенія нѣсколько сдѣлать, кому хотимъ, лишь бы не по неволѣ; для того что ето будетъ учтивость, а не должность; я докажу тебѣ изъ Испанской Исторіи, что одинъ изъ нашихъ предковъ предъ солдатомъ снялъ шляпу идучи его встрѣтить, какъ тотъ въ баталіи съ Карксомъ восемь Араповъ своею рукою побилъ.

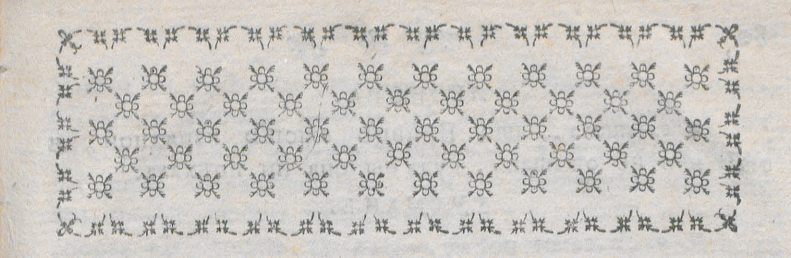
ПЕРЕВОДЧИКЪ.

Такъ я Вашему Высокородію поздравляю съ принятымъ вашимъ намѣреніемъ; и Его Свѣтлость со всею свитою чрезъ часъ сюда проводить честь имѣть буду.

КОНЕЦЪ
ЧЕТВЕРТАГО ДѢЙСТВІЯ.



ДѢЙ-



ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.



ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Леонора и Гусманъ.

ГУСМАНЪ.

Ну! Леонора, что жъ скажетъ теперь влюбленной Гонзало? увидя, что любезная его Донна Марія въ Арапскую землю ѣдетъ; мнѣ право пріятно ето, что она изъ заточенія своего и бѣдности въ великую честь и благополучіе приходитъ, однако жъ мнѣ бы больше хотѣлось, чтобъ ета свадьба не сдѣлалась для Гонзала.

ЛЕОНОРА.

Нѣтъ Гусманъ! ето для нея лучше.

ГУСМАНЪ.

Я вижу, что въ тебѣ постоянства столько жъ, какъ у всѣхъ дѣвокъ.

ЛЕОНОРА.

Добро же молчи, да барышня та тѣмъ, я чаю, довольна.

ГУСМАНЪ.

Боже мой! да какъ ей довольной быть едакимъ черным Арапомъ?

ЛЕО-

ЛЕОНОРА.

Я слышала, что Принцъ етотъ изрядной, я отъ нея не отстану, куда бы она ни поѣхала.

ГУСМАНЪ.

И я съ вами поѣду.

ЛЕОНОРА.

А за чѣмъ?

ГУСМАНЪ.

Чтобы всегда съ тобою быть вмѣстѣ для того, что я тебя очень люблю Леонора, ежели бы ты тожъ думала, что я, такъ бы у насъ не долго было и до свадьбы; вить долго въ дѣвкахъ сидѣть, тебѣ такъ же дурно, какъ и мнѣ холостымъ ходить, а къ тому жъ мнѣ не обходимо надобно скорѣе жениться для нѣкоторой причины.

ЛЕОНОРА.

Полно врать дурачина! ты не смыслишь, какъ должно съ Испанскими дѣвушками говорить, вить ето не во Франціи, или въ Нѣмецкой землѣ, гдѣ обыкновенно бываетъ, такъ что на примѣръ: сего дня спросить хочешь ли ты за меня, а завтра и свадьба; я такъ коротко о свадьбѣ разсуждать не люблю, ежели ты хочешь любовь мою достать, то надобно тебѣ по нашему поступать. Сперва должно тебѣ цѣлой годъ ходя вздыхать, а увидя меня, робѣть, иногда притворяться будто отъ любви съ ума сошелъ, и удавиться хочетъ, не показывая, въ кого влюбленъ, а оставляя мнѣ самой въ томъ догадываться. Потомъ должно тебѣ старатся мнѣ во всемъ ласкать, чаще подарки приносить, любовныя пѣсенки у меня подъ окошкомъ пѣть, терпѣливно сносить, ежели я тебя и бранить стану, потомъ надобно будетъ тебѣ склонить подарками какую нибудь старуху, которая мнѣ знакома, чтобъ она отъ тебя иногда въ разговорахъ слово замолвила, и ска-

зывала бы какъ ты обо мнѣ страждешь, и приводила бы меня сколько нибудь въ жалость, чтобъ я зжалясь удостоила своимъ пріятнымъ взоромъ, и тѣмъ бы тебя оживотворила, или бы приносилъ мнѣ вирши кровью твоею написанныя, а я бы тебѣ позволила сперва въ окошко съ собою говорить и наконецъ въ горницу къ себѣ пустила.

ГУСМАНЪ.

Правда Леонора! должно бы етакъ быть, да нѣчто время-то будетъ долговато, вить етакихъ околичностей и въ пятьдесять лѣтъ не кончишь, напрасно ужъ ты мнѣ не совѣтуешь отъ любви то и въ правду удавиться. Нѣтъ Леонора! я знаю способъ, которымъ мы скорѣе къ концу притти можемъ, не нарушая обычаевъ нашей земли: не запирай лишь только одну ночь дверей у своей горницы, такъ я и сдѣлаю, что на другой день свадьба у насъ будетъ.

ЛЕОНОРА.

Перестань же врать, или я право господамъ пожалуюсь, такъ тебя и уймутъ.

ГУСМАНЪ.

Ето вить я на примѣръ говорилъ, а ты дѣлай себѣ что хочешь, мнѣ большой нужды въ женидьбѣ нѣтъ.

ЛЕОНОРА.

А мнѣ въ замужствѣ еще и меньше.

ГУСМАНЪ.

Ну, добро Леонора! не о чемъ вздорить, да вотъ идетъ Донна Марія: я не могу на нея смотрѣть, отъ жалости сердце у меня кипитъ, какъ я вспомню, что она за такого чернаго Принца идетъ, я пойду отсюда.

[*отходитъ.*]

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Донна Марія, Леонора и Педро.

Д. МАРІЯ.

Вымыселъ твой, Леонора, очень хорошъ, да опасная, чтобъ не вышло на ружу прежде, нежели все сдѣлается.

ЛЕОНОРА.

Не льзя статься, ежели мы самихъ себя не измѣнимъ, и для того Гусману теперь про ето не сказала, что онъ не осторожень, и можетъ легко проболтаться.

Д. МАРІЯ.

Да спесь-та у нихъ такъ вкоренилась, что они лучше съ голоду умрутъ, нежели согласятся за того отдать, кто имъ въ бѣдности хотя и не много помо́чь можетъ, да только малымъ чѣмъ меньше ихъ знатенъ.

ЛЕОНОРА.

Преужасная гордость владѣетъ нашимъ народомъ! и для того въ другихъ земляхъ, ежели кого случится назвать спесивымъ, то называютъ Испанцомъ.

Д. МАРІЯ.

Не говори етого, Леонора, что спесь нашей націи сродна: нѣтъ, мы напрасно ея клеплемъ. Правда, есть много такихъ людей въ Испаніи, однако жъ изъ того не льзя еще обо всѣхъ Испанцахъ думать, потому что и въ другихъ земляхъ такихъ есть не мало, да еще сплошь, съ пустаго примѣчанія сдѣлаютъ важность, на примѣръ: ежели пріѣзжей въ какой нибудь земли по щастью спознается прежде съ честными и добрыми людьми; то послѣ пріѣдучи домой

домой разтвердитъ обо всѣхъ жителяхъ, что честные и добрые люди, будежъ напротивъ попадутся ему сперва какіе гордые, или злые, то ужъ цѣлыя книги о страстяхъ ихъ сочиня прославятъ во весь свѣтъ такими. И такъ для гордости родителей моихъ не должно всѣхъ Испанцовъ тѣмъ и винить. Нѣтъ, ето не простительно будетъ, потому, что почти всякъ здѣсь въ городѣ, ихъ за ето ненавидитъ, и очень ради будутъ, ежели намѣреніе наше исполнится.

ПЕДРО.

Въ етомъ случаѣ съ вами всякому согласиться должно; потому что вы собою то доказываете, что не всѣ Испанцы етотъ порокъ имѣютъ, да вотъ батюшка вашъ идетъ.

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТІЕ.

Д. Ранудо, Д. Олимпія Д. Марія, Леонора, Педро и Гусманъ.

Д. РАНУДО.

Ну, другъмой! судьба даруетъ, Д. Марія, тебя теперь такимъ женихомъ, за котораго можешь ты итти безъ ущербу нашей фамиліи. Я назначилъ тебѣ мужемъ Принца Еѳіопскаго Теофраста Бомбаста.

ПЕДРО.

Одно только имя Бомбасто услышавши, видно какой великой человѣкъ.

Д. РАНУДО.

Онъ конечно такой великой человѣкъ, какъ и всѣ Еѳіопскіе Принцы.

ПЕДРО.

[тихо]

То даромъ, лишь бы онъ только знатной природы былъ.

Д. РАНУДО.

Я думаю, что онъ и собою хорошъ?

ПЕДРО.

Въ томъ нужды нѣтъ хотя бы онъ безъ ушей и безъ носу былъ.

Д. РАНУДО.

Надобно думать, что онъ и богатъ очень?

ПЕДРО.

Да на что ужъ богатство, вить вотъ въ какомъ словѣ Бомбасто великое богатство замыкается.

Д. МАРІЯ.

Я благодарю, милостивой государь батюшка! за попеченіе ваше обо мнѣ, а мое намѣреніе было лучше въ монастырь итти.

Д. ОЛИМПІЯ.

Ахъ, Донъ Ранудо! слова ея должны быть написаны золотыми литерами на таблицахъ и во всѣхъ знатныхъ домахъ повѣшены. Изъ Колибрадосовой фамиліи всегда знатныя отрасли растутъ.

Д. ЛЕОНОРА.

Ежели бы Донна Марія за иного кого за-мужъ итти захотѣла, што бы я никогда на то не согласилась, я хочу лучше умѣреть, нежели дожить до етакой напасти.

Д. РАНУДО.

Спасибо, Леонора, за твою вѣрность и почтеніе къ намъ. Ты всегда то доказываешь по воли моей.

ПЕДРО.

ПЕДРО.

Пока голова моя на плечахъ, я бы право не согласился никогда на то, чтобъ ей быть за Гонзаломъ, хотя бы онъ и еще етого богатѣе былъ. Я какъ услышалъ, что сестра его стала за него сватать, то такъ мнѣ стало досадно, что колотье пришло да и теперь еще пуще стало колоть. Ай, ай, ай? Знать онъ того, что про него вспомнилъ, какъ то не дерзновеніе, что етакой мужикъ смѣетъ изъ Колибрадосовой фамиліи о невестѣ себѣ думать. Развѣ онъ думаетъ, что ихъ Высокородіе столь сребролюбивы, что согласятся такъ себя унизить? О ежели бы онъ мнѣ теперь попался! я бы его вотъ на етомъ мѣстѣ уходилъ до смерти; нѣтъ, прежде нежели бы ето сдѣлалось, я лучше хотѣлъ бы весь домъ нашъ зажечь и Ваше и Ихъ Высокородіе въ пепелѣ видѣть.

Д. РАНУДО.

Хотя онъ и совѣтуетъ намъ згорѣть, однакожъ милы мнѣ его слова за чистосердечіе.

ПЕДРО.

Такъ, сударь, пепелъ Вашего Высокородія, ежели бы говорить могъ, то конечно благодарилъ бы меня за геройскую смерть, и всѣ бы люди сказали, что вы жили геройски, и умерли геройски. Честь вить самое лучшее сокровище на свѣтѣ, а ежели чести не будетъ, то на все счастье и богатство плюнуть. Я теперь говорю отъ чистаго сердца, а когда другое что я когда скажу, такъ то бываетъ въ шутку.

Д. РАНУДО.

Я знаю Педро! что ты и шутки то говоришь вить для нашего увеселенія.

ПЕДРО.

Конечно такъ, вить придворной шутъ можетъ иногда и дѣло говорить, такъ и я когда надобно по-

чтеніе къ Вашему Высокородію, то я всегда говорю не шутками.

Д. РАНУДО.

[*ищетъ по карманамъ*]

Вотъ, Педро, тебѣ за то, что ты теперь говорилъ, пять червонныхъ. Ба! да я не думаю, чтобъ со мною столько денегъ было, однакожъ ты конечно получишь пять чернонныхъ, ежели не больше.

ПЕДРО.

[*тихо*]

У него теперь знать съ собою не взято, а то я конечно получу, какъ и всегда бываетъ.

Д. РАНУДО.

Ежели ты скоро и не получишь пять червонныхъ, то знай, что я тебѣ что нибудь другое дамъ, которое еще и лучше того.

ПЕДРО.

Что такое сударь?

Д. РАНУДО.

Ежели ета исторія выдетъ объ нашей фамиліи, о которой надеженъ, что все обстоятельно будетъ написано, то я сдѣлаю, что и твое имя съ похвалою включатъ.

ПЕДРО.

Да что мнѣ въ томъ прибыли будетъ? Ба! да вотъ знать Принцъ идетъ.

[*отходитъ*]

ГУСМАНЪ.

О ежелибы я умѣлъ по Еѳіопски, я бы о многихъ вещахъ освѣдомился, а то очень много наслышался, а особливо о Красномъ морѣ и о великой рѣкѣ Сеинѣ, которая сквозь всю землю ихъ протекаетъ по золотому песку.

Д. РАНУДО.

Что ты врешь, Испанской Сеинъ течетъ сквозь Парижъ во Францію.

ГУСМАНЪ.

ГУСМАНЪ.

Да! какъ бы да не такъ, сударь, я вить самъ видѣлъ въ одной Комедіи напечатано про нее, а внизу подписано *дѣйствіе есть въ Аралской землѣ*: да вотъ онъ, да какъ же дѣла сходны съ именемъ его, взоръ его такъ меня бомбардируетъ, что я на силу на ногахъ стоять могу; не изволитель его сколько нибудь встрѣтить.

Д. РАНУДО.

Да! надобно, однакожъ выключая коронованныхъ персонъ, еще ето первой, которому я ету честь дѣлаю.

ГУСМАНЪ.

И мнѣ также ... теперь надѣюсь за насъ господамъ разсыльщикамъ вымѣстять, что они насъ такъ бездѣльнически ограбили.

Д. РАНУДО.

Етобъ очень подло было, ежели бы я теперь о такой бездѣлицѣ думалъ.

ГУСМАНЪ.

Между тѣмъ мнѣ теперь и надѣть нѣчего, я право самъ Его Свѣтлость просить буду, чтобъ хотя судей перевѣшать приказалъ, чтобъ они впередъ насъ не обижали.

Д. РАНУДО.

Добро, твой убытокъ заплатятъ и безъ того, чтобъ Принца трудить.

ГУСМАНЪ.

Да какъ же сударь?

ЛЕОНОРА.

Молчи, добро Гусманъ, не думаешь ли ты, что Еѳіопія за твои худые башмаки, или чулки со Испаніею войну объявитъ. Теперь нѣкогда объ етакихъ бездѣлицахъ думать: да вотъ онъ идетъ со всею своею свитою.

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Принцъ выходитъ съ своею свитою, состоящею изъ черныхъ Арапоъ. Процессія начинается слѣдующимъ порядкомъ: сперва идетъ одинъ съ ларчикомъ, въ которомъ подарки положены, за нимъ другой съ трубкою съ предлиннымъ чевукомъ, за нимъ Переводчикъ. Потомъ Гонзало, то есть Принцъ съ придворнымъ своимъ шутомъ, который обвѣшенъ весь колокольчиками, и вкругъ Принца бѣгаючи разныя кривизны дѣлаетъ. За Принцомъ идетъ еще одинъ съ лукомъ и стрѣлами, потомъ Нотаріусъ; всѣ прошедъ по театру три раза, въ которое время музыка играетъ, остановятся и тотъ у кого стрѣлы подошедъ къ Принцу, подаетъ ему лукъ со стрѣлою, сдѣлавъ превискіе поклоны до земли, Принцъ взявъ лукъ стрѣляетъ на Д. Ранудо, которой испугавшись говоритъ Переводчику.

Д. РАНУДО.

Что ето значитъ?

ПЕРЕВОДЧИКЪ.

Такимъ образомъ у насъ мущины другъ друга привѣтствуютъ.

Потомъ другой подошедъ выстрелилъ изъ лука въ Гусмана, онъ упалъ отъ страху, а шутъ помогаетъ ему встать и говоритъ.

Гостуки, Гостуко, Гостука,

ГУСМАНЪ.

Чортъ ето не шутка, едакъ и до смерти убить не долго.

ГОНЗАЛО.

Лагамъ туибу скомта, во залагамъ губу лагамъ губа.

ПЕРЕ-

ПЕРЕВОДЧИКЪ.

Принцъ желаетъ Вашему Высокородію столько лѣтъ жить, сколько разстояніемъ отъ насъ солнце миль, и сколько песчинокъ въ Красномъ морѣ.

ГУСМАНЪ.

[*тихо*]

Етотъ языкъ для краткости зимой употреблять хорошо.

Д. РАНУДО.

[*снявъ шляпу*]

Покорно благодарствую за желаніе Его Свѣтлости, и самъ желаю благословенія Божія.

ПЕРЕВОДЧИКЪ.

Алола.

[*Принцу*]

ГУСМАНЪ.

Правда, что языкомъ ихъ можно цѣлую исторію на одномъ листу написать.

ГОНЗАЛО.

Лаконъ трактъ галили.

ПЕРЕВОДЧИКЪ.

Принцъ говорить изволилъ, что онъ путь свой принялъ сюда для совокупленія бракомъ съ Высокородною Испанскою фамиліею, и требуетъ вашей любезной дочери въ невѣсты.

Д. РАНУДО.

Я принимаю требованіе Его Свѣтлости за великое себѣ удовольствіе, и вручаю дочь мою ему.

ПЕРЕВОДЧИКЪ.

[Принцу]

Лакатоскъ.

Д. РАНУДО.

[отдаетъ Донну Марію Принцу, потомъ говоритъ Переводчику.]

Теперь подобно Нотаріуса сыскать, чтобъ надлежащимъ образомъ контрактъ сдѣлать.

ПЕРЕВОДЧИКЪ.

Мы съ собою нарочно его позвали, [Нотаріусу] изволь написать контрактъ въ такой силѣ, какъ вамъ сказано.

{Нотаріусъ садится за пріуготовленный столъ и пишетъ, между тѣмъ шутъ дернулъ за полосы Гусмана не взначай.}

ГУСМАНЪ.

Господинъ Переводчикъ, за что онъ меня деретъ, я ему ничего не дѣлаю.

ПЕРЕВОДЧИКЪ.

Это ничего, другъ мой, Еѳіопскіе шуты всегда какъ говорятъ, то употребляютъ они знаки, называемыя полоки, а съ своею братьею вотъ етакъ, какъ съ тобою говорятъ, и ето нарѣчіе называется Гонипо, теперь сказалъ онъ тебѣ, что надѣется съ тобой хорошими друзьями быть.

ГУСМАНЪ.

Благодаренъ за ету дружбу, чортъ ли видалъ, чтобъ за дружбу волосы драть; а когда хоть мало поссорится, то ужѐ по етому и до смерти надобно убить.

[шутъ дернулъ еще его за-полосы.]

ГУС-

ГУСМАНЪ.

Ай, ай, ай! поди прочь чорной чортъ.

ПЕРЕВОДЧИКЪ.

Онъ доказываетъ тебѣ, что хочетъ всегда вмѣстѣ съ тобою жить.

ГУСМАНЪ.

Да я не хочу, чортъ съ нимъ захочетъ жить, онъ до тѣхъ поръ со мною етакъ договоритъ, что мнѣ и умѣреть придетъ.

[*шутъ грозитъ ему рукою.*]

Кой чортъ едакъ онъ мнѣ грозитъ, знать еще какую нибудь дружбу показать хочетъ.

ПЕРЕВОДЧИКЪ.

Онъ хочетъ тебѣ кое что про свою землю разсказать.

ГУСМАНЪ.

Пожалуй скажи ему, что я отнюдь не любопытенъ ни о чемъ знать, онъ право до смерти меня заговоритъ.

[*шутъ щелкнулъ его подъ носъ.*]

ГУСМАНЪ.

Ай, ай, ай!

ПЕРЕВОДЧИКЪ.

Ето значитъ начало его исторіи.

ГУСМАНЪ.

Ну! такъ и мнѣ приходитъ гонию употреблять.

{*Бросился на шута, и стали драться до тѣхъ поръ, пока розняли, между тѣмъ Нотаріусъ изготоя контрактъ, подаетъ для подписки.*}

Д. РАНУ-

Д. РАНУДО.

Пускай ПринцЪ и дочь моя напередЪ подпишутЪ, а потомЪ мы засвидѣтельствуемЪ.

ПЕРЕВОДЧИКЪ.

НѣтЪ сударь, вЪ нашей землѣ всегда женихЪ и невѣста послѣ подписываютъ имЪ только мѣсто оставляютЪ.

Д. РАНУДО.

Во всякой землѣ свой обычай, давай я подпишу, когда такЪ надобно.

Подписываетъ съ женою, причемъ играютъ на трубахъ, а послѣ Гонзало и Донна Марія, тогда всѣ кричатъ випатъ, музыка играетъ съ литаврами, потомъ Нотаріусъ читаетъ контрактъ.

НОТАРІУСЪ.

Мы нижеподписавшіеся сЪ согласія родителей и сродниковЪ нашихЪ вѣчной и не разрывной союзЪ заключаемЪ, и хотя одна воля и любовь жениха сЪ невѣстой супружеству потребна, однакожЪ мы не хотя и право гражданское нарушить, употребляемЪ всѣ кЪ тому надлежащія церемоніи, и согласіе друзей нашихЪ присовокупляемЪ, вЪ чемЪ они обще сЪ нами и подписались.

ГОНЗАЛО.

Донна Марія, КолибрадосЪ.

Д. РАНУДО.

Что ето Гонзало?

ГОНЗАЛО.

[*снявъ шляпу.*]

ТакЪ сударь, кЪ услугамЪ вашимЪ.

Д. РАНУДО.

ЕтотЪ обманЪ публично наказанЪ быть долженЪ.

Д. ОЛИМ-

Д. ОЛИМПІЯ.

А контрактъ изодрать надлежитъ.

НОТАРІУСЪ.

Етого сдѣлать не льзя, свадьба, которая по всѣмъ правамъ съ согласія и подписками всѣхъ утверждена, не можетъ быть уничтожена.

Д. ОЛИМПІЯ.

Да ето обманомъ все сдѣлано.

НОТАРІУСЪ.

Объ етомъ мы не знаемъ, мы то сдѣлали, что должность наша требуетъ.

Д. РАНУДО.

Етотъ контрактъ для неравенства персонъ совсѣмъ недѣйствителенъ.

НОТАРІУСЪ.

Мы никакого неравенства не видимъ, по тому, что какъ женихъ, такъ и невѣста оба дворянской фамиліи, а не равенство развѣ въ томъ только есть, что Гонзало беретъ невѣсту безъ приданаго.

Д. ОЛИМПІЯ.

Дочь моя умретъ лучше, нежели не по состоянію своему выдетъ за-мужъ.

Д. МАРІЯ.

Подлинно я умереть желаю лучше, нежели потерять такого жениха, котораго я довольно люблю.

Д. ОЛИМПІЯ.

Донъ Ранудо, не станемъ ея больше за дочь свою признавать и лишимъ наслѣдства.

ПЕДРО.

Да было бы чего лишить, и то вить развѣ только одна епанча черная останется.

Д. ОЛИМПІЯ.

Я вижу, бездѣльникъ, что и ты ихъ же партіи, да думаю, что и весь городъ етому обману радоваться станетъ.

ГУСМАНЪ.

Куда какъ хитро сдѣлала ты Леонора, я право думалъ, что ето точной Арапской Принцъ.

Д. ОЛИМПІЯ.

Етотъ контрактъ не только что уничтоженъ будетъ, да и вы всѣ за обманъ публично наказаны будете.

ГОНЗАЛО.

Контрактъ сдѣланъ правильно и опорочить его не льзя.

Д. РАНУДО.

Я ссылаюсь на всѣхъ служителей моихъ въ томъ.

ПЕДРО.

Я могу сказать, что свадьба заключена.

ЛЕОНОРА.

И я доказать могу, что невѣста жениха любила.

НОТА-

НОТАРІУСЪ.

Дѣти должны хотя подвластны родителямъ быть, пока въ возрастъ придутъ, и пока родители въ цѣломъ умѣ, а въ противномъ случаѣ позволено имъ по своей волѣ поступать по артикулу Испанскому.

Д. РАНУДО.

Да развѣ мы не въ цѣломъ умѣ, спросите дочери моей и всѣхъ людей, дѣлалиль мы когда такое, что нибудь, по чему бы какъ сумазбродными почесть можно было?

Д. МАРІЯ.

Я не знаю, батюшка, за разумъ ли ето почесть, что вы хотѣли лучше съ голоду уморить, нежель отдать меня за-мужъ за Гонзало.

ПЕДРО.

Я такъ же держу, что господинъ и госпожа наши не въ цѣломъ умѣ.

ЛЕОНОРА.

И я тогожъ мнѣнія.

ГУСМАНЪ.

Я почитаю господъ своихъ за разумныхъ людей, а сказать правду, кажется мнѣ, будто есть у нихъ нѣчто такое въ головѣ, которое у безумныхъ бываетъ.

НОТА-

НОТАРІУСЪ.

Вотъ видите свидѣтельство служителей вашихъ, въ которомъ здѣсь нужды нѣтъ, для того, что весь городъ такогожъ объ васъ мнѣнія, а что сдѣлано, то все по правамъ сдѣлано.

Д. ОЛИМПІЯ.

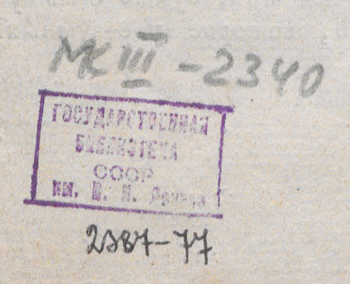
Ахъ! Донъ Ранудо, пойдемъ лучше въ монастырь.

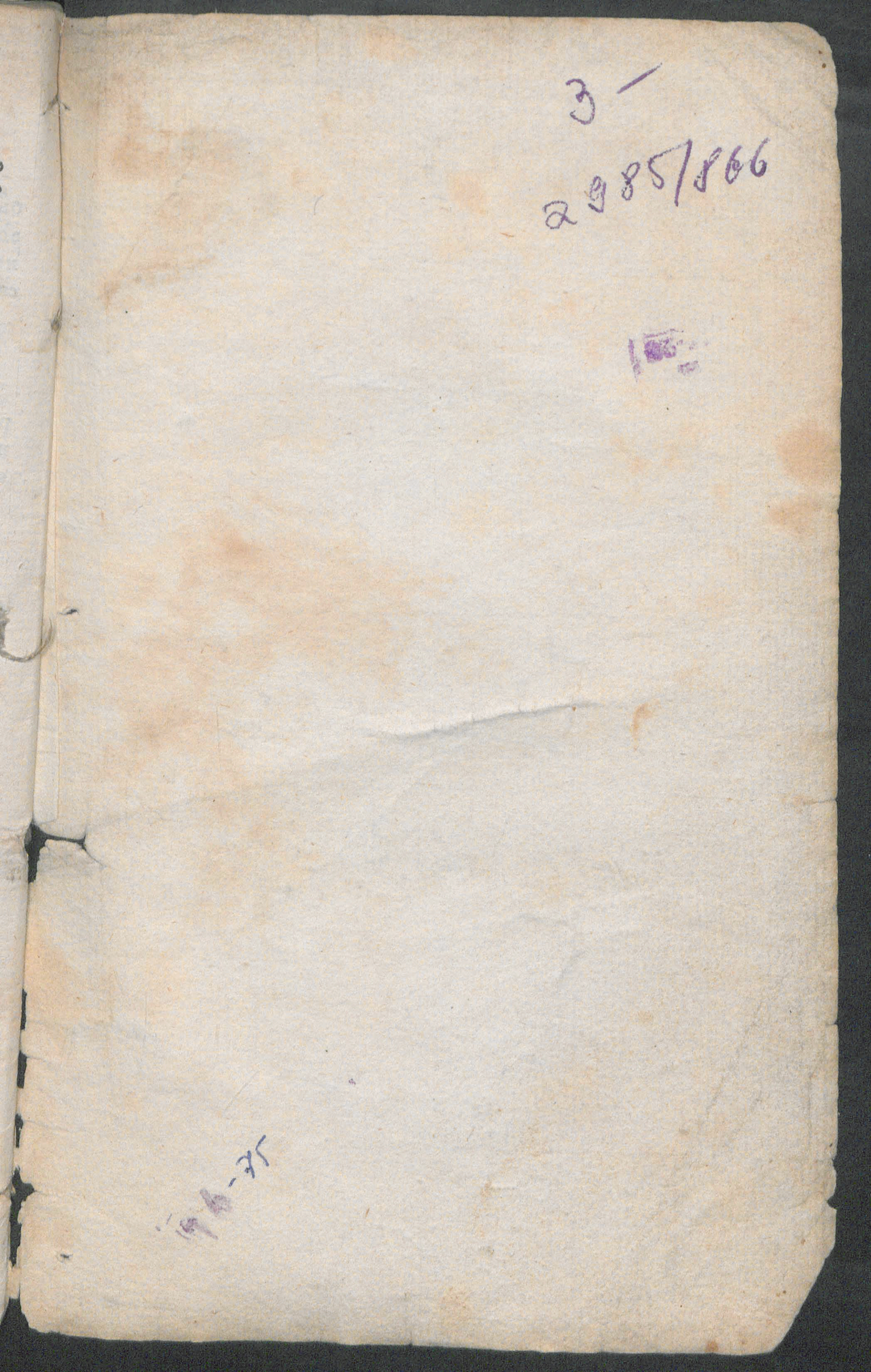
ЛЕОНОРА.

А мы станемъ свадьбу играть.

КОНЕЦЪ КОМЕДИИ.







3 -
2985/866
96-75

